

Кровавая
ТОМАТНАЯ

АЛХИМИЯ: ТАЙНА АРТЕФАКТА

ЛИССА МУН

Лисса Мун
Кровавая алхимия:
тайна артефакта
Серия «Кровавая алхимия», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69861088
SelfPub; 2023*

Аннотация

Аспирантка Алиса выращивает помидоры и работает над заменителем крови. Но ее жизнь меняется после поцелуя с загадочным инвестором. И отчего всем кажется, что он на одно лицо с ее научным руководителем? Ведь мужчины совсем разные! Но обоих притягивает Алисин серебряный кулон с перламутровым камнем. Беспечный байкер Радомир получает подозрительное наследство в Калининграде. Город затягивает парня в хитрую ловушку. И почему он не может забыть глаза незнакомки на вишневом Suzuki Boulevard? Ведь ее голос шепчет отовсюду: «Пожалеешь и разочаруешься». Алхимия породила сверхъестественных существ: вампиров, охотников, бухгалтеров. Но кто из них настоящее чудовище? Что связывает героев? И какова на вкус их кровь?

Содержание

Пролог. Поцелуй с незнакомцем	4
Элис: суббота, лекция	4
Глава 1. Книга с секретом	18
Элис: воскресенье, ярмарка	18
Радомир: где-то в Санкт-Петербурге	29
Глава 2. Паб «Алхимия»	34
Элис: лаборатория в академии	34
Радомир: Калининград	43
Глава 3. Охотники и другие непонятные слова	55
Элис: лаборатория, набережная Преголи	55
Радомир: адвокатская контора, погреб	72
Глава 4. Пожалеешь и разочаруешься	80
Элис: бал в академии	80
Радомир: улицы Калининграда, ювелир	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Лисса Мун

Кровавая алхимия: тайна артефакта

Пролог. Поцелуй с незнакомцем

Элис: суббота, лекция

Старое здание академии душило теснотой, но возвращало в прошлую эпоху. Колонны, балюстрады, мраморные лестницы. На научные подвиги вдохновляли сами стены.

Маленькая лекционная аудитория поднималась крутыми ступенями вверх. Исконные деревянные лавки блестели свежим лаком в рыжеватых лучах осеннего солнца. Я косилась в окно и умудрялась одновременно записывать лекцию Руслана Игоревича Натанга, доктора биохимических наук. Ученая степень никак не вязалась с его моложавым видом, но стильный костюм все же придавал некоторой солидности.

На самом нижнем ряду около двери пристроился дурно пахнущий житель улицы. Сваявшиеся волосы прикрывала выдавшая виды вязаная в рубчик шапка. Остальная одежда и руки казались одного цвета – подсохшей грязи. Но препода-

даватель мастерски игнорировал присутствие бомжа. Словно не должен был выгнать его взащей, ведь всех аспирантов знал в лицо!

– Ясина, напомните нам первый биологический закон?

– Любое изменение в теле человека является частью Специальной Биологической Программы, – выпалила я, уставившись в его необычные янтарные глаза. Почудилось, будто после понедельничного казуса в лаборатории он обращал на меня повышенное внимание.

– Больше не отвлекайтесь, – ласково попросил Руслан Игоревич. – Третий закон звучит так: каждая ткань организма реагирует на конфликт двумя способами. В активной фазе конфликта она наращивается. Тогда во второй фазе происходит распад опухоли.

Темы кандидатских в нашей группе всячески пересекались, и Руслан Игоревич по субботам начитывал последние научные изыскания в данной области и вокруг нее. Будто мы не могли изучать материал самостоятельно! Но возмущалась я лишь про себя и, скорее, из вредности. Ведь его манере преподавания стоило отдать должное – он разжигал в каждом аспиранте исследовательский огонь! Не давал утонуть в обилии информации и умело направлял в нужное русло.

– Во время активной фазы конфликта в органе растет колония бактерий прямо пропорционально размеру опухоли, чтобы на фазе восстановления произвести распад лишней ткани. Клетки «кричат», сигнализируют микроорганизмам:

«мы усилили функцию. Идите сюда, ведь, когда защита больше не понадобится – придется прибраться!». – Руслан Игоревич тщательно вырисовывал мелом на доске опухший нос. – Именно тогда начнется насморк! И никак иначе! Не наоборот!

Преподаватель так восхищался деятельностью микроорганизмов, что я заподозрила в присутствии на лекции бомжа подвох. Единственное, что от меня ускользало: как это относилось к теме моей диссертации «Порфириновые структуры и заменители крови»?

Он явно намекал, что биохимия во всех живых клетках схожа. А взаимодействие между ними происходит слаженно. Две фазы? Новые биологические законы?

– Алиса? Где вы витаете? Ответьте, пожалуйста, на вопрос, – Руслан Игоревич когда-то взобрался на мой ярус и настойчиво постукивал мелом по исписанной маркерами столешнице.

– Это бессмысленно, – высокомерно заявила с первого ряда Лилия – долговязая натуральная блондинка. Она всегда держалась в стороне и считала себя умнее остальных. Жала штангу, но носила каблуки и пышные блузы. Впрочем, безупречный средний балл подтверждал ее успехи. Но однокурсница всячески демонстрировала свое превосходство. Казалось, чтобы чувствовать себя сносно, ей требовалось быть лучшей во всем.

Я изумленно воззрилась на преподавателя, ведь вопрос

пропустила. А он нахмурил густые русые брови, отчего лицо неопределенного возраста сделалось смешным.

Точно цеплялся ко мне после понедельника!

– Микробов побаиваетесь? – со вздохом осведомился он и зачем-то покосился на нелегального слушателя. Тот поджал ноги и прикорнул. Лекция действительно выдалась неоднозначной и скучной. – Выходите к нам сюда.

Преподаватель ловко поддел меня под локоть и поволок вниз.

– Куда-а-а? – на автомате вскрикнула я.

– «За что?» – поправил он. – Впредь будете меньше отвлекаться. Это Саня. – Он указал на тело с терпким запахом свободы.

– Здравсьте, – выдавила я и кивнула.

Саня всхрапнул и подсунул под щеку ладонь. Сверху слышались смешки.

– Обнїмите? – предложил Руслан Игоревич. Мне?

– Простите? С чего бы? – опешила я, хотелось отодвинуться подальше, лишь бы не чувствовать сногшибательный аромат.

– Полагаю, вы уже в красках представили, как по вашим нежным ручкам побегут толпы смертоносных микробов! Спустя пару часов поднимется температура, а в течение нескольких дней вы скончаетесь в страшных муках?

– Не хотелось бы, – проямлила я. – Скончатся.

– Ага! – почему-то обрадовался он. – Вот я и говорю, лек-

цию вы слушали совершенно невнимательно. А если бы вникали в суть, то поняли бы, что ни один микроб не страшен сам по себе. Только при наличии биологического конфликта невидимые человеческому глазу агенты помогают распаду опухолей.

– У меня прямо сейчас случился биологический конфликт. Я пойду? – блеснула сообразительностью.

– Ага! – повторил Руслан Игоревич.

Было ли это «Ага, иди» или саркастическое «Ага, разбежалась» – я так и не поняла. Саня неожиданно вскочил на ноги, пошатнулся и обхватил меня обеими немытыми ручищами. Я отпрянула, но вес учебного пособия не позволил уйти далеко. Мне тут же вспомнились вчерашние неприятные приключения с нетрезвыми байкерами. Лучше бы забыть!

Зато Руслан Игоревич довольно ухмылялся.

– Элис, ко мне теперь неделю не подходи, – заржал с последнего ряда Юрик, мотавший в аспирантуре второй срок. У нас никого не отчисляли, а Руслан Игоревич чуть ли не зубами держался за каждого своего аспиранта. – А лучше две. Объявляю карантин!

– Объявляю перерыв, товарищи аспиранты! – расстроено вздохнул преподаватель, отер лоб тыльной стороной ладони. – И начнем с начала.

– Да вы чего? – возопила Лилия, обращаясь к группе. – Про новые открытия не поняли? Все же логично.

Саня отправился на выход. Мне хотелось провалиться

сквозь старинный наборный паркет. Но я посеменила к сумке за дезинфицирующим гелем.

И не успела протереть все открытые участки кожи, как аудитория опустела.

В дверь тут же вошел незнакомый мужчина, чем-то отдаленно похожий на самого Руслана Игоревича. Преподаватель поменялся в лице.

– И как ты посмел явиться сюда? – прорычал он сквозь зубы.

– У тебя от меня тайны, – с коварной ухмылкой отчеканил нежданный посетитель. – Мы так не договаривались.

Я продолжала обеззараживание. Они тихонько беседовали. Незнакомец косился на меня, будто я мешала их разговору. А когда отвернулась, чтобы подхватить сумочку и бежать на перерыв, за спиной вырос кто-то высокий, с еле уловимым запахом миндаля и кисло-сладкой переспелой вишни. Он дышал мне в затылок. Волосы невесомо шевелились, отправляя за шиворот щекотные мурашки. А неловкость момента сковывала движения.

Неужели опять Руслан Игоревич? Клеится он, что ли?

– Пожалуюсь в ректорат! – пригрозила я и неуклюже повернулась, напоровшись на пронзительный взгляд из-под полуопущенных каштановых ресниц.

Не была готова к подобной неуместной близости. Поэтому приоткрыла рот и молча хлопала глазами. Было в знакомце что-то притягательное, несмотря на крупный нос и

густые брови. Четко очерченный подбородок с русой щетиной, стильная стрижка, обрамляющая чайно-желтые глаза, такие прозрачные, что, казалось, внутри можно разглядеть волшебную страну.

Он медленно протянул ко мне длинные пальцы. Я отшатнулась, но он удержал второй рукой за спину и дотронулся до моей шеи. Я нервно сглотнула. Громко так! Но рот захлопнула. А прохладные подушечки прочертили дорожку вдоль ключицы, спустились к манящей ложбинке и поддели затейливый кулон.

– Занятная вещица, – прокомментировал он. – Родовая ценность? От бабушки досталась?

– И ничего не от бабушки, – пробурчала я. Почему-то сделалось обидно. – Это винтаж! И чего бы вы понимали в украшениях.

– Кулон, несомненно, очень красивый. И эти искусные вензеля по краю. – Он заметно расслабился и увлекся изучением ювелирного плетения. – Я лишь удивился, что такое произведение искусства оказалось на шее юной аспирантки, не более.

– Не такое уж и произведение, – для чего-то огрызнулась я.

– Еще какое, – мужчина завороченно пялился на кулон. Его лицо приближалось. Рука на моей спине смяла блузу. В стеклянных глазах мужчины проблеснул рубиновый огонек, когда взгляд переместился на мои губы.

Не слишком ли стремительное развитие событий?

Но тут же остальные здравые мысли трепещущими бабочками разлетелись в стороны. В гудящей тишине незнакомец страстно накинулся на мой рот, прикусил губу, лизнул, пробираясь глубже. Прижал меня теснее. По щеке ласково скользнул солнечный луч, добавляя моменту необходимую приправу. Я растерялась и задрожала, забывая дышать. Вкус вишни растекался вокруг дурманящим облаком. Чудилось, что стоит протянуть руку, как коснусь шершавой коры фруктового дерева. Незаметно для самой себя я все же дотронулась. По пальцам пробежали колючие искорки.

Никогда не рассматривала незнакомых мужиков и тупые подкаты с романтической точки зрения. И прежде не попадала в подобные ситуации. Но день понедельника или тот, когда мне в руки попало старинное украшение, положил начало череде странных происшествий.

Незаметно к нам подскочил Руслан Игоревич. А я и забыла о присутствии в аудитории преподавателя! Распахнула глаза, которые отчего-то оказались закрытыми! Моя ладошка гладила шершавую щеку этого маньяка!

А он даже не почувствовал, что нас прервали и продолжал настойчиво добиваться ответа на свою необузданную страсть прямо в лекционном зале. Я втянула воздух через ноздри и выдохнула ему в губы. Он же отпрянул как от чумной! Зажал нос. И будто разом протрезвел.

– Тристан? – позвал Руслан Игоревич и тронул гостя за

плечо.

– Ты подарил ей кулон? – прохрипел тот.

Руслан Игоревич дернулся как от пощечины.

– Для чего бы я это сделал? Ясина – моя аспирантка.

– Случайно наевшаяся чеснока. И случайно надевшая кулон, – подметил незнакомец.

Ну да, ела я вчера креветки со сметанно-чесночным соусом! Так сутки почти прошли!

– А зачем вы целоваться полезли? – возмутилась я, ведь меня обсуждали в третьем лице.

Тут они оба синхронно повернулись, словно только теперь заметили, что я не сбежала при первой же возможности. Одинаково сверкнули глазами, как голодные коты. И в какой-то момент показались мне очень похожими: с одинаковыми носами и формой подбородка – но так по-разному напряженным ртом. Руслан Игоревич хищно прищурился. Незнакомец же вскинул одну бровь и перестал дышать.

– Убери его под блузку, Алис-с-с-а, – прошипел преподаватель. Точно кот. Самый натуральный. Кот-натурал? Тьфу! И что за чушь в голову полезла?

Но кулон я тщательно спрятала, и пуговики под горло застегнула. От греха подальше!

– Ты пахнешь помидорными листьям, – невпопад заявил незнакомый мужчина, которого Руслан Игоревич как-то назвал, но я не запомнила. – Слишком привлекательно.

– Так я выращиваю, – протянула, окончательно смутив-

шись. – Моя кандидатская.

Любитель лапать аспиранток удивленно вытаращился на Руслана Игоревича, потом снова на меня и обратно.

– И как же это взаимосвязано? – наконец спросил он, будто знал тему работы.

– А это мы с тобой обсудим позже. – Руслан Игоревич обхватил его за плечи и повел вниз. – А Вы, Ясина, марш на перерыв!

– Нет уж. Останусь на твоей интереснейшей лекции, – отрезал мужчина, а я было испугалась, что он запретил мне идти на перерыв и желал продолжить начатое. – И возьму проект под свой личный контроль. – Он вдруг сделался серьезным, на лице застыла жесткая маска.

– Так мы тоже не договаривались, – зашипел преподаватель.

А у меня до сих пор горели губы и странно колотилось сердце, будто этот нелепый поцелуй что-то значил.

На меня накинулся незнакомый мужик! Гадость-то какая! Но почему-то не противно. Возможно, сыграл злую шутку опыт объятий с лицом без места жительства, после чего остальные мужчины, какими бы неадекватными нахалами они ни были, казались лапочками?

На перерыв! Срочно на перерыв! Кофе и сладкую булочку с маком – справляться с полученным стрессом.

Жар опалял щеки, растекался по телу жидкой лавой. В

горле поселился клубок репейника, а нос вообще перестал выполнять свою основную функцию.

– Элис, выпей, – Лиза заботливо подсунула мне кружку с горячим чаем. Мед и лимон придавали напитку живописную мутность, но никак не ощущались.

Неохотно пошевелившись, сделала несколько глотков. Они вымотали, будто я произвела генеральную уборку во всей квартире. Пусть у нас всего лишь однушка, но весенний подвиг по наведению лоска я запомнила!

– Что б они все икали! – прокляла я и научного руководителя, и его неожиданного гостя, и бомжа Саню. Ведь обычно по воскресеньям проводила время в своей любимой томатной теплице недалеко от города, где даже в разгар осени поспевали сочные плоды, необходимые мне для лабораторных исследований. Теперь же приходилось изображать пластовый мармелад, неспособный ни к физической, ни к умственной деятельности.

– А может, у тебя вообще на мужиков аллергия? – воодушевилась Лиза.

– На таких – точно. – Я покосилась на ухмыляющуюся подругу. – И ни капельки не смешно! Он накинулся на меня прямо в аудитории! Неслыханная наглость!

– Верю-верю. Но если он хотя бы наполовину такой же красавчик, как Руслан Игоревич, я бы скакала до потолка. А ты изображаешь кисейную барышню. Ну-ну. Уверена, что тебе понравилось!

Я бы хотела ей что-то возразить и швырнуть подушкой, но тело содрогнулось в неожиданном спазме. В позвоночник будто залилось расплавленное олово. Тысячи липких капелек расплзлись по спине и добрались до головы.

– Убей меня, – прошептала я пересохшими губами.

Зря я так возмущалась, последние силы отдала на гневную тираду. Еще и перед глазами застыло лицо Тристана. Да, так его звали. И он гораздо симпатичнее Руслана Игоревича! Но вслух я в этом никогда не признаюсь. Еще чего! Нахал!

– Ни-ког-да! – сорвалось с опухшего языка по слогам.

– Ты бредишь уже, что ли?

– Никогда.

– Ну, точно.

Через миг или через вечность на лоб плюхнулась влажная тряпица. Глаза щипало, я определила профессиональной чуйкой биохимика уксус и подпрыгнула, словно получила под ребра разряд дефибриллятора.

– И за что ж ты меня так ненавидишь? – напустилась на подругу. – Жжется же!

– Так на форуме пишут, – заспорила Лиза. – На мамском, между прочим. Там плохого не посоветуют! Еще говорят, ноги горчицей намазать. Но у нас был только хрен.

– Чего? – вконец оторопела я. – У меня еще и ноги намазаны?! Хреном?

– Зато ты пришла в себя, – добила она неоспоримым фактом.

– За углом есть аптека, – буркнула я, закрываясь в ванной. – Это так, на будущее.

Вода успокаивала и смывала консерванты и приправы с моего измученного тельца. Я ощущала себя разогретым холодцом, бултыхающимся в кислом бульоне. Руки и ноги болтались, как куриные крылышки в эмалированной кастрюле – слабость накатила новой волной. Вместе с ней нахлынули будоражащие воспоминания о внезапном поцелуе. Жар пробежался по губам и груди. Как если бы этот нахальный тип оказался со мной в ванне.

ТЬфу! Ну что за чушь?

– Вылезай! – завопила Лиза под дверью. – Тут советуют с температурой не распариваться. – Она три раза выразительно стукнула и подергала ручку. – Слышишь? А то все лечение насмарку.

Тело вновь содрогнулось. И я поспешила выбраться, но не потому, что подруга разжилась очередным советом на форуме. Хотелось рухнуть обратно на кровать и забыться. Не припомню, чтобы хоть раз в жизни меня так крутило!

– Может, в больницу? – испугалась Лиза, когда я вывалилась в коридор.

Я помотала головой и облизала пересохшие губы.

– Тебе хотя бы понравилось?

– Хрен или уксус? – прохрипела я, рывком устремившись в комнату к своей кровати.

– Целоваться с этим. Как там его? В смысле, он тебя ка-

ким-то гриппом заразил, да? Хочу знать, оно того стоило?

– Ага, – хотела буркнуть с сарказмом, но вышел смущенный писк.

Лицо уткнулось в вожденную подушку, по ребрам пробежала очередная волна кусачих мурашек. Кожа будто бы слезла с тела засохшей шелухой – как у заправской змеюки – и уползла проветриваться. А мне остались оголенные нервы, остро реагирующие на каждое движение или прикосновение. Так что я больше не шевелилась и не разговаривала. И тем более не оправдывалась.

И что пошло не так? Где я провинилась, что мирозданье решило наказать меня такими мучениями? Неужели в понедельник? Или в прошлое воскресенье, когда я не расплатилась со старушкой за винтажный кулон?

Глава 1. Книга с секретом

Элис: воскресенье, ярмарка

– Элис, ты что-нибудь слышала об отдыхе? – буркнула Лиза, ворвавшись в мое любимое царство земли.

– Я обожаю своих малышей! – восторженно продекламировала заученную фразу, которую выдавала всем скептикам и белоручкам.

– Эти-то «малыши»? – подруга уставилась на помидорный куст выше себя ростом. – Бросай все. Сегодня будет настоящий выходной! На острове Канта осенняя ярмарка! Хочу выбрать себе что-нибудь рукодельное!

– Ты не потерпишь до декабря?

Я с надеждой подняла на Лизу глаза и похлопала ресничками – не помогло.

– Нет! Дело не терпит отлагательств. Собирайся.

Я нарочито громко вздохнула, отложила записи, сняла удобный садовый фартук и указала подруге на выход.

Запах кудрявой ботвы пленял. Я будто гуляла по зачарованному лесу, а точнее – по джунглям из гибких стволов и опущенных листьев. И обожала проводить воскресенья в компании молчаливых друзей-томатов.

Конечно, мне не требовался огромный урожай для рабо-

ты с составом плода. Но кусты родили крупные кисти. Каждый неповторимый сорт манил прикоснуться к феерии расцветок и вкусов. И я отправляла глянцевые шарики в рот прямо с ветки. Блаженно щурилась, ловила мельчайшие оттенки в сочетании кислот и сахаров. Заносила органолептические показания в журнал. И отбирала подходящие овощи для дальнейшего химического анализа.

Мне было важно растить материал самой. Тогда я могла отследить полный цикл преобразований – от семечки до семечки. Знала, какие вещества использовались для стимуляции роста и защиты от болезней. А точнее, была уверена, что не использовались никакие! Чего нельзя было утверждать про «пластиковые» помидоры из супермаркета.

Но подруга прервала увлекательный процесс.

– Вот поступишь в аспирантуру – поймешь, – укорила я Лизу. – Это ведь дело моей жизни!

– Выковыривать грязь из-под ногтей и ходить чумазой? – хихикнула она и стерла с моей щеки зеленоватый налет от листьев.

Вот еще!

Ногти защищал качественный маникюр. Я вымыла руки и лицо, оделась и очутилась на залитой солнцем улице. Деревья еще хранили летний цвет крон, но сыпали под ноги охристые скрюченные листочки. Будто предупреждали, что настоящая осень вот-вот начнется.

Душный автобус добросил до центра, откуда мы пешком

направились к острову.

– В академии будет бал, ты ведь даже не слышала? – усмехнулась Лиза, наблюдая стайку возбужденных ровесниц, будто все они должны были утопать в тех же мыслях, что и она.

– Я живу ради своего проекта, – пробубнила невнятно.

Интроверт внутри съезжился. Я терялась каждый раз, как подруга заводила разговоры о вечеринках или иных подобных мероприятиях. Пробирки и перегонные системы нравились мне куда больше, чем шумные тусовки.

– Ага, и замуж выйдешь за свой проект, – подколола Лиза, но тут же сжалилась. – Муж не обязателен. Но хотя бы симпатичный парень под боком периодически необходим.

– Не вижу связи, – пожала плечами. – Сейчас для меня важнее исследование. Ты представь, если я смогу применить растительные структуры в животном и даже человеческом организме!

– Бе. – Односложное заключение подруги делало бесполезным дальнейшие доказательства моей искренней любви к делу всей жизни.

Да и требуются ли любви какие-либо доказательства? Глубокие теплые чувства не обязательно испытывать к мужчине. Можно любить детей, кошек, помидоры, свои увлечения, саму жизнь! Хомяков, в конце концов. Один такой поселился у меня в лаборатории. Я назвала его Химичок и не ставила на пушистом колобочке эксперименты.

Широкий мост переправил нас через закованный в бетон канал. В воде отражалось яркое синее небо с редкими шапками облаков. А шумная ярмарка начиналась на мощеной аллее. Музыка заставляла танцевать солнечные лучи и уставшие листья. Красные стены Кафедрального собора живописно выделялись на фоне разлапистых кленов. Разноцветные палатки выстроились вдоль пешеходных дорожек, предлагая товары народного творчества и фермерских хозяйств.

Мед, орехи, бусы из незнакомых мне полосатых семян, покрытых лаком – все это Лиза проходила мимо. Я не представляла, чего она искала, но послушно плелась рядом.

Подруга остановилась около копченого сала и шумно втянула воздух. Дымные нотки бередили фантазию, и я живо представила себе охоту на дикого кабана в смешанном лесу августовским вечером. Раскаленный жарой воздух доносил запах огня и пряной подсохшей травы.

– Возьмем, а? – Лиза умоляюще потянулась к деликатесу.

– Кто я такая, чтобы мешать тебе чревоугодничать? – пожала плечами и подавилась смешком.

И для чего ей мое разрешение? Но, конечно, я не позволю подруге страдать в одиночестве – обязательно помогу съесть все, что мы сегодня купим.

Пуховые платки с ажурными узорами, носки со снежинками, варежки из некрашеной шерсти – мы снова неслись мимо цветных палаток. Пока не попали в водоворот танцующих пар. Одетые в черные плащи и фиолетовые полосатые

чулки, другие в красные клетчатые юбки и зеленые жакеты, молодые и не очень люди приставными шагами скакали под тяжелую фольклорную музыку.

На отдельной полянке обособленно скучились открытые лавочки с интересными вещичками. Грубые кованые украшения соседствовали с изящными стеклянными бусинами. Грузные серьги в виде маленьких витражных мозаик заставляли разглядывать цветные детали в тончайшей проволоке. Лиза же напрямик направилась к плетеным ожерельям в технике фриволите со вставками натуральных камней.

Понятно! Мы шли сюда намеренно. Наверняка, хитрюга могла заказать все понравившиеся аксессуары через соцсеть, но явилась поддержать рукодельницу на ярмарке. Вряд ли подруга отличалась чрезмерным альтруизмом. Вероятно, в этом действе скрывалась какая-то выгода на будущее.

Меня же манил прилавок со старыми книгами под кустом бересклета. Я питала слабость к потертым обложкам и желтоватым страницам. К сладковатому запаху хрупкой бумаги и типографской краски. Помню, как родной дедушка продавал так свои книги. Мне было чуточку жаль, что они не достанутся мне в наследство. Но он говорил, что истории нужны людям, негоже им пылиться без дела.

Я прикоснулась к темно-зеленому корешку, будто к собственным чувствам из детства. В носу защипало. А на губах расцвела шальная улыбка. Пальцы скользнули по стершемуся названию и остались на потрепанном уголке. Книга на-

столько заворожила, что я очнулась на чтении форзаца. Изданию чуть больше восьмидесяти, хотя, одна из цифр так затерлась, что дату я разобрала с трудом. Но внутри меня ждал сюрприз. Часть страниц была вырезана ровно посередине без жалости к тексту. Вероятно, в овальном отверстии хранили ключ или записку бриллиантов в бархатном мешочке.

– Занятная книжица, – отреагировала на мое замешательство старушка, что сидела на раскладном стуле по ту сторону прилавка. Рядом с ней неподвижной статуэткой пристроился пес на длинных лапах с вытянутой мордой. Гладкая серая шерсть казалась запорошенной пеплом. Он не моргал и будто не дышал.

Пришлось захлопнуть попорченный фолиант, поигрывая бровями. Иногда я впадала в ступор. С незнакомцами вела себя тихо и замирала, как этот красавчик интересной породы. С растениями и пробирками получалось проще.

Я собиралась присоединиться к Лизе, когда неприметная старушка окликнула.

– Она с секретом, милая, – объяснила мне как малому дитя.

– Да, подметила, – закивала я головой. – Жаль. Автор ведь задумал ее целиковой, – я взмахнула руками, изображая то ли взбивание подушки, то ли сахарную вату, но имела в виду, конечно, книгу.

– Так и есть, – согласилась барахольщица. – А у меня и недостающая часть сохранилась.

Тут я удивленно вытаращи́лась и медленно возвратилась к прилавку. Пес все не шевелился, но, казалось, следил за каждым моим движением. Слова продавщицы зародили новый виток любопытства.

Каким же образом книгу предполагалось читать?

– Переверни страницу, – попросила она и звучно ткнула скрюченным суховатым пальцем твердую обложку.

Пожала плечами и снова распахнула книгу. На этот раз внутри обнаружилась бледная коробочка, точь-в-точь прилегающая к краю дыры. Тонкий узор извивался, имитируя буквы, но не походил ни на один знакомый мне алфавит.

– И что же там? – поторопила старушка, будто бы не знала всех особенностей своего имущества.

– Вы, наверное, ярмарочная фокусница? – догадалась я. – Тут какая-то уловка?

Хрупкая коробочка приятно шуршала в пальцах. Я сдвинула крышку и заглянула внутрь. Ветер взметнул волосы прямо в глаза и приоткрывшийся от удивления рот. Рядом пронеслась густая тень. Я выплонула пряди, взмахнула головой, чтобы отбросить лишние на спину. И подскочила!

Пес перебрался ко мне и уткнулся носом в бедро. По позвоночнику пробежала неприятная дрожь – прежде мне не доводилось общаться с собаками, родители не держали домашних животных, а в съемной квартире запрещалось заводить четвероногих друзей.

Настойчивый взгляд зубастого создания вводил в оцепе-

нение.

– Кулон? – Заметила драгоценность, лежащую на мягкой подложке сливового цвета, и старательно игнорировала близость чужого питомца. – Серебро похоже на настоящее, но так тонко сплетено, будто кружево. А что за камень?

– Всего лишь селенит, – отмахнулась загадочная продавщица. – Но с примесью.

– Красивый. Отчего продаете? Неприятные воспоминания?

Я не умела четко формулировать мысли, что очень мешало общаться с людьми. Но старушка все поняла, словно чувствовала эмоции.

– Подвеска напоминает мне о лучших годах жизни, – она дотронулась тем же пальцем до желтоватого с перламутром камня. – Бурная была молодость. А теперь пора на покой. Хватит уже, набегалась. – Она притворно вздохнула и улыбнулась, морщинки на лице затанцевали, перестроились. – Некому передать. Так ведь помру, и выкинут. Сына поздно родила и давно не видела. Он и рос почти сам. Я все в разъездах. А потом – раз и взрослый. Давно распрощались. Только мой Гарм всегда рядом, но и он уже стар. Вот и вышла на ярмарку. Думаю, кто заметит, того и будет. Ты только вместе с книгой бери. Кулон не снимай. А книгу на видном месте держи у окошка. Нравится ей на луну любоваться.

Мне бы сразу выкупить вещицу и отыскать подругу. Но последняя фраза напрягла. У старушки, похоже, маразм.

Может, она вынесла из дома фамильную драгоценность и не понимала, что делала? Хотя...

– Поделочный камень в драгоценной оправе? – произнесла я вслух и покосилась на милого песика. – Необычно. Я люблю старые книги. Сохраню вашу вещь. Но если кто из ваших родственников объявится – тут же верну.

– Вот еще! – возмутилась та. – Никому!

Выхватила у меня из рук имущество, упаковала кулон обратно, аккуратно вставила коробочку в прорезь, ловко завернула в цветной газетный лист и перевязала бечевкой.

– А звать-то тебя как?

– Элис, – протянула я. – Алиса, точнее.

Мама и папа бурной фантазией не обладали и назвали меня так же, как многих других девчонок в округе. Только в школе со мной в одном классе училось семь Алис. А в академии я сбилась со счета. Но еще лет в пятнадцать я начала представляться людям – Элис. Навязчивая старушка вызвала противоположное желание.

– А я Эдита. – Буквально впихнула сверток мне в руки, прикрыла ладонью, похлопала, задумавшись на долгое мгновение. – Кулон поможет тебе их распознать.

– Кого? – изумилась я. Хотя, после заявления о любви фоллианта к ночным пейзажам можно было ничему не удивляться. Но бабулька словно специально толкала меня к расспросам.

– В нашем роду их звали «бледные погани».

– Ага, – для чего-то кивнула я, будто поняла, о чем речь.

О моли? – У нас, вроде, не водится.

– Ну, когда заведется, поздно будет, – рассудила старушка. – А там в книжице предписания есть. На всякий случай.

– Ага, – снова повторила я.

– Ого, – подпела Лиза, выпрыгнув из-за спины, и схватила меня за локоть. – Какой у тебя знакомец! Нечего тут торчать, все пропустишь! Идем!

Гарм рыкнул на нее, но под строгим указующим взглядом тут же перелез обратно к старушке.

– Теперь-то куда?

Подруга тащила меня вглубь толпы. Я еле успевала перебирать ногами, чтобы не упасть, а к груди крепко прижимала обернутую газетой книгу.

– А деньги-то, деньги! – вспомнила я и затормозила. – Я не заплатила. Отпусти, Лизок!

– Ты там что-то купила? И на кой я тебя с собой взяла? Ожерелье выбирать мне не помогала, – принялась она загибать пальцы. – Себе красоту не присмотрела. Зато купила какой-то хлам! Больше глаз с тебя не спущу!

– Ну тебя, – проямлила я и развернулась в обратном направлении.

Палатки, люди, музыка – все смешалось. Казалось, даже стволы перемещались и пританцовывали. На поляне все те же дикие пляски – энергичные, с деревянным оружием, с ог-

ненными поями¹.

– Обойдем? – предложила подруге, но нас тут же схватили за руки и затащили в круговорот событий.

Лизку в одну сторону, меня в другую! Интроверт внутри жалко скукожился, забился в самый дальний от безудержного веселья уголок и тихо выл в ожидании прекращения безобразия. Почему-то получать удовольствие от скачек аки молодая козочка в компании незнакомых людей я не научилась. Могла терпеть недолго и нечасто. Поэтому сжала зубы и уподобилась парнокопытной милашке. Главное, не потерять сверток.

Композиция закончилась общим громогласным «Хэй!», и мне удалось сбежать, пока не зазвучала следующая зажигающая мелодия. Голова кружилась, но куст бересклета я нашла довольно быстро. Вот только ни старушки, ни ее небольшой лавочки, ни грозного Гарма под ним уже не было.

– Как же так?

– Что хоть ты там отхватила? – Лиза снова подскочила со спины.

– Книгу с секретом.

– Книгу?

– С секретом.

¹ Разновидность реквизита для огненного шоу. Пара шаров, связанных между собой цепью.

Радомир: где-то в Санкт-Петербурге

Мощные челюсти сомкнулись на моем предплечье, лязгнули по грубой коже байкерской куртки.

– А ну стой, поганец! – завопил хозяин огромной серой собаки.

И не подумаю. Так меня еще никто не называл!

Рванул руку в сторону и побежал, но зверь и не отцеплялся, рычал, истекал слюнями и смешно волочил задние лапы по брусчатке. Мужик в джинсах с кожаными вставками, водолазке до подбородка и объемном жилете, который скрывал под собой оружие, быстро приблизился и одним ловким движением прижал меня к кирпичной стене переулка. Мы оба были внушительной комплекции, но собака неоспоримо перевешивала силы на сторону противника.

– Прощайся с жизнью, – ехидно осклабился он, ловко выхватив из внутреннего кармана изогнутый нож кукри, и приставил его к моему горлу.

А вот это уже слишком! Шаблонно! И зря он так!

Я дернулся в сторону от лезвия и ткнул гада в подмышку, одновременно подныривая под локоть. Шею защипало – задел! Собака отцепилась от руки, но приготовилась ухватить за стратегически важное место! Я отпрыгнул и инстинктивно прикрылся. Мужик завалился на бок, но тут же выпрямился и снова развернулся ко мне.

Разговаривать с маньяками и прочими неадекватными личностями чаще всего бесполезно. Болтовня лишь помогает выиграть время для маневра. Но раз уж он предупредил меня о скорой кончине, я посчитал нужным все же заметить:

– Убери собаку. Она красотка. Не хочу ей навредить.

– Это жалость? – мужик удивленно вскинул брови. – Или ты не брезгуешь и употребляешь таких «красоток» на десерт?

Чего? Совсем псих? Но вслух такое говорить нельзя – только злить. Впрочем, диалог – это уже хорошо. Без разговоров он мог бы расправиться со мной в один миг, когда прижал к стене. Застать себя врасплох во второй раз я не позволю.

– Я непривередлив, – бросил с усмешкой, одновременно оценивая выход из переулка. – Но тебе, кажется, все равно к кому цепляться?

Если побегу, псина вмиг нагонит, а плотная куртка защищает не все тело целиком. Давно пора заказать себе специальный костюм. Но кто же знал, что именно сегодня я не смогу пройти мимо придурка, угрожающего компании девиц оружием! Надо было вызвать полицию, но требовались немедленные активные действия. И я ввязался в драку, перетекшую в преследование. Девушки с визгом разбежались, одна даже не испугалась и поблагодарила за помощь, передернув не по погоде открытыми плечиками. А мне достался этот сумасшедший.

– Э, нет, – вернул в реальность его голос. – Только к таким как ты и та зубастенькая, которую ты прикрыл.

– Зубастенькая? – я невольно покосился на собаку и окончательно потерял нить бессмысленного разговора. Осторожно попятился к противоположному выходу из переулка, так, чтобы животное не среагировало на резкие движения.

– Город под надежной защитой, – рыкнул противник, а я заметил у него на лбу и щеке несколько шрамов. – Так и передам твоим приятелям.

Он сделал резкий выпад с подсечкой, но я отпрыгнул. А в следующую секунду у него в руках появился маленький арбалет размером с ладонь, и в меня тут же полетела стрела не больше десяти сантиметров длиной. Наконечник блеснул в лучах заходящего солнца и впился мне под ключицу.

– Твою ж-ж-ж! – рявкнул я и не задумываясь выдернул снаряд.

От боли ослепило на долгий момент, но я усиленно моргал, и картинка прояснилась. Со стороны проспекта послышался вой сирен. Но этот гад не отреагировал, подошел вплотную и выплюнул прямо в лицо:

– Сдохни в муках, поганец! – А потом он что-то рассмотрел в моих глазах, будто сам себе не поверил, скривился и оценил меня еще раз. – Ты! Да ты не из этих, что ли? Или новый морок?

Он ткнул меня краем арбалета, как тычут в несвежий батон. А я размахнулся и вмазал ему в нос со здоровой руки.

А нечего отвлекаться! Решил мочить – мочи до конца!

Пока он ругался и шипел, как ошпаренный гусь, я буквально вывалился на проспект и помчался, не разбирая дороги. В людном месте больше шансов отбиться от собаки. Я бежал без оглядки, но живо представлял, что клыкастая пасть так и норовит вцепиться мне в пятую точку.

И лишь оказавшись на любимой крыше с видом на Исаакиевский собор, я перевел дыхание. Сверху все казалось иным.

Сентябрьский закат окропил треугольные шапки соседних домов, будто свекольный сок разлился по гигантской барной стойке. В родном Петербурге я облазил все открытые крыши. Но на эту приходил чаще всего. Жизнь казалась настолько скучной, что лишь созерцание монументальных построек с необычных ракурсов вносило разнообразие в серую повседневность. Только не сегодня...

Я достал из внутреннего кармана куртки небольшую потертую книгу – единственное, что осталось от матери – положил на колени и раскрыл на месте плетеной закладки. Сколько бы ни вчитывался в округлый почерк – смысл уловить не получалось. Строчки обрывались будто на середине фраз. Как если бы книжицу распилили напополам. Рецепты казались смешными фантазиями, рисунки – путанными заколючками.

Но эта вещь всегда возвращала в безмятежность. Страницы шелестели на ветру, как если бы кто-то невидимый глазу

без всякого ритма задевал хай-хэт² на барабанной установке вселенной. Думать, что сильный и мудрый разум управляет этим миром, мне нравилось больше, чем полагать, что существование сводится к обеду для земляных червей. Неосозаемые струны постоянно вибрировали в воздухе и соединяли события и судьбы причудливыми узорами. Чьи угодно, но только не мои. Я всегда находился вне системы. Точнее, все складывалось легко и просто, будто у меня на руках лежали все возможные читы. Но такая игра не приносила удовольствия.

Только не сегодня...

Я захлопнул книгу. Вытащил из того же кармана свежий конверт с недавно полученным письмом, вздохнул. Решил ехать по адресу отправителя как можно скорее. Кто бы его ни прислал. Я не нуждался в деньгах или недвижимости, поэтому само наследство меня интересовало мало. Но женщина, бросившая меня еще ребенком, будоражила душу и мысли. Ведь ее лицо давно расплылось в тумане прошедших лет.

Лишь теперь вспомнил о ране под ключицей. На мне всегда заживало как на собаке. Срочно ехать в больницу? Ну уж нет.

Только не сегодня.

² Разновидность музыкальных тарелок.

Глава 2. Паб «Алхимия»

Элис: лаборатория в академии

Любимая лаборатория на кафедре биохимии в понедельник встретила привычной тишиной. Мне выделили для собственных исследований отдельное помещение с двумя рядами столов и современной техникой. Уж не знаю по какой причине Руслан Игоревич, мой научный руководитель, так ухватился за тему именно моей диссертации. Но некоторые аспиранты трудились по двое, и даже по четверо в тесных комнатухах с одним окном. У меня же имелось целых два! Окна.

Ящик с помидорами неохотно пролез в дверь, зацепив по пути косяк. Банки с вываренной дома томатной пастой мелодично звякнули друг о друга. Я недовольно засопела, но жалеть об одиночной лаборатории не стала. Да, будь рядом кто-то из группы, помогли бы придержать дверь или подхватили бы тару! А я сама справлюсь.

– Обязательно! – пообещала румяным плодам, которые ждала экзекуция.

Я изучала биохимические реакции как в растительных клетках, так и в животных. И искала ферменты, чтобы окружить искусственный гемоглобин необходимыми оболочка-

ми. Безопасный заменитель крови – прорыв для медицины, ведь над рабочими составами бились многие поколения. А там, глядишь, и Нобелевскую премию выпишут! Карлу Ландштейнеру, разделившему кровь на группы, дали ее аж через тридцать лет после открытия.

Я нацелилась на успех, и трудилась над кандидатской сутками напролет. Ведь даже во сне мне виделись новые идеи. И я пока понятия не имела, при чем тут помидоры и красный пигмент. Но верила, что ознобления посещали мой разум не просто так. В конце прошлого учебного года я засыпала на паре по микробиологии, и перед внутренним взором возникло ведро с глянцевыми плодами и пряная бесконечная теплица, закольцованная во времени и пространстве. Неведомый голос сообщил: «Обрати внимание на ликопин. Он обеспечивает защиту ДНК, что предотвращает онкогенез. А в растениях и фотосинтетических бактериях ликопин появляется в виде трансизомера». Глаза открылись сами собой, сбившееся дыхание застряло в горле. Дрожащие пальцы уже вбивали в заметки на телефоне слова, значение которых я разобрала не сразу.

Кто шептал мне? Бог или дьявол? Ангел-хранитель или коллективное бессознательное? Космический разум или поехавшая крыша?

Неважно! В конце концов, даже Дмитрий Иванович Менделеев увидел свою периодическую таблицу во сне. Так кто я такая, чтобы пренебрегать бесценным источником инфор-

мации?

На следующее утро я ринулась заказывать семена в интернет-магазине популярного агрохолдинга. И каково было мое удивление, когда выяснилось, что миру известны сотни сортов и расцветок такого простого овоща. Прежде я видела лишь красные и желтые плоды. В мировой селекции развлекались куда серьезнее. Мне пришлось познакомиться с огромным количеством коллекционеров редких окрасов, закупиться еще большим количеством пакетиков с посевным материалом, и снять теплицу на окраине города.

Так я превратилась из простой аспирантки в увлеченную огородницу. А соотношение пигментов, сахаров и прочих минералов тщательно измеряла и регулярно заносила в таблицы. Кто бы ни нашептал мне направление в работе, но он точно знал, что иногда молекулы сворачивались кольцом и подтягивали другие микроэлементы. И с этим стоило разобраться!

Химичок шебаршил в клетке на подоконнике.

– Привет, малыш, – я просунула между прутьев небольшую помидорку-черри. – Скоро адрессирую тебя и навсегда выпущу из клетки, будешь мне помогать.

Звереныш ловко подхватил плод маленькими лапками и с удовольствием прокусил плотную шкурку. А я принялась орудовать ножом, срезая тонкие ломтики, чтобы отправить под микроскоп. Собиралась проверить влияние микроорганизмов на процесс ферментации. Но не успела даже вклю-

читать экран и отобразить колонии, как в дверь без стука влетел Руслан Игоревич. Его русые волосы лежали небрежно, будто обласканные осенним ветром. А вечная ухмылка придавала доктору биохимических наук вид заправского хулигана. Мне часто казалось, будто ученая степень у него такая же липовая, как и выражение лица, никогда не соответствующее ситуации.

– Уже на месте? – бросил он с порога, но даже не обернувшись в мою сторону, прошел вглубь лаборатории, где в холодильном шкафу с прозрачными дверцами стояли образцы.

– А то. Я тут почти живу, – буркнула себе под нос. Не то чтобы я была недовольна самим этим фактом, но вламываться как ураган в рабочее пространство – чревато. Я могла промахнуться мимо пробирки или обрезать!

– А где тот, что две недели назад свернулся оболочкой? – уточнил руководитель. – Я как раз думал над вашей работой. Проблема всегда была в том, чтобы не допускать болтаться гемоглобин в свободном виде! Нужны аналоги живых эритроцитов. На субботу готовлю интереснейшую лекцию. Хочу посмотреть ваш образец.

– Ваши мысли сумбурно перескакивают с одного на другое, – нагло заметила я, чего раньше со мной не случалось. – Но я поняла, о чем Вы. Повлиял какой-то фермент. Только я не нашла, откуда он взялся, да и закономерность еще не выявила.

Я переместилась к полкам и сняла с одной из них чаш-

ку Петри под номером пятнадцать двадцать два. Удачные образцы помнила наизусть. И тщательно отслеживала сроки хранения.

– Вот.

Преподаватель хищно сверкнул медовыми глазами и даже облизнулся.

– Помидорчик, Руслан Игоревич? – для чего-то ляпнула я.

Он не отреагировал, лишь опасно вздохнул и ослабил галстук.

– Вы не завтракали? – предприняла я вторую попытку достучаться. – Говорю, кушать хотите? Сейчас салатик нарублю.

Я метнула взгляд на полку с лабораторной посудой, проворно подставила табурет, чтобы дотянуться до крупного тигля – больше похожего на миску – который стоял на самом верху, ведь практически не использовался.

– А-а-а, – то ли протянул, то ли простонал Руслан Игоревич и обхватил меня за колени. – Так надежнее, – сбивчиво пояснил он.

– А? – теперь затупила я.

– Напомните, Ясина, что вы там ищите?

Я с победной улыбкой продемонстрировала ему тигель и слезла вниз. Его руки молниеносно спрятались за спину, будто он так и стоял все время, и только что не случилось нечто странное.

Для любимого научного руководителя выбрала самые

невзрачные помидоры. Точнее, те, что было не жалко, ведь с остальными собиралась сегодня работать. И с шальной ухмылкой принялась рубить их крупными дольками. Руслан Игоревич безмолвно наблюдал за моими действиями. Он сложил руки на груди, отчего халат, без которого вход в лабораторию строго воспрещен, грозил треснуть по швам, натянувшись на крепких бицепсах.

Так, о чем это я?

– Ага, – ляпнула вслух, чем заставила преподавателя наклониться над посудой. – Салатик. Натрий-хлор найду, а вот масла нет. Наверное, стоит принести? – Нахмурила бровки и поделилась гениальной идеей: – А может, нам липидную оболочку для гемоглобина соорудить?

– Прямо сейчас? – скептически поинтересовался Руслан Игоревич.

– Сейчас салат! – отрезала я. Он серьезно или шуточки такие несмешные? Надо ведь все продумать, расписать формулы и сообразить технологию!

Я вручила ему тигель и полезла в тумбу за одноразовыми вилками, которые были припасены на случай обеда в лаборатории.

– Кушайте-кушайте, – подбодрила руководителя. – Свеженькие! Собирала накануне.

– А-а-а, – снова проблеял он. – А-а-аппетитно.

Уголок его рта нервно дернулся, ноздри втянули густой аромат вкуснейших томатов, выращенных моими изящными

заботливыми ручками. Но голова доктора биохимических наук повернулась в сторону лабораторного стола, куда он аккуратно пристроил тигель.

– Образец важнее, – придумал он оправдание. – Работайте, Ясина.

И к чему мне эти отмазки? Образец никуда не денется. Так бы и сказал, что стесняется утонуть в органолептическом наслаждении при аспирантке.

– Вот и съем сама, – заявила вместо того, что думала. – Знаете, сколько в этом сорте ликопина? Ого-го сколько! И вся эта живая польза мне.

И что на меня нашло? Ведь обычно молчала. Но сегодня руководитель окончательно перестал казаться гением науки и сполз до моего уровня, как тот тигель с верхней полки.

Руслан Игоревич устроился с чашкой Петри около микроскопа за соседним столом, буквально спрятался за перегородку и занимался своими изысканиями. Я же вернулась к плану исследований.

Неделя прошла плодотворно, но очень уж быстро. Для меня дни сливались в одно сплошное пятно, где я разглядывала под электронным микроскопом результат очередного эксперимента и не понимала, что повлияло на результат, отличающийся от предыдущих десяти. Оттого моделировала в воображении этапы преобразований снова и снова. Засыпала с мыслью о работе в надежде на новое озарение. А с утра

мчалась в лабораторию, чтобы добиться многократного повторения скручивания молекул.

Но вечер пятницы менял ориентиры. И несмотря на то, что по субботам Руслан Игоревич читал нашей группе аспирантов увлекательные лекции, мысли о проекте я откладывала до понедельника. Без качественного отдыха грозило любимое всеми психологами, на которых я подписалась в соц-сетях, выгорание!

Так что мы с Лизой в обязательном порядке посещали музей, театр, букинистический магазин или библиотеку, а затем ужинали в любимом пабе «Алхимия» недалеко от биохимического корпуса академии. Иногда гуляли по мощеным улочкам города, когда всюду загорались фонари с матовыми стеклами. А другой раз подруга тащила меня на тематическую вечеринку в каком-нибудь необычном месте. Их я искренне недолюбливала, но за компанию участвовала.

Так и сегодня, только я успела переодеться в платье после насыщенного дня в лаборатории, как подруга надела серьги и ожерелье – комплект, купленный на ярмарке – сунула ноги в низкие сапожки на плоском ходу и поторопила меня на выход. Вот уже несколько лет мы с ней снимали на двоих однушку рядом с академией. Я подрабатывала по вечерам в медицинской лаборатории аналитиком два раза в неделю. Лиза трудилась в центре метрологии и пока не планировала поступать в аспирантуру. Подруге хотелось путешествий и приключений.

Вечеринки не намечалось, чему я тихо радовалась про себя, но короткие шорты и легкая куртка Лизы свидетельствовали о её приподнятом настроении. Книжным магазином дело не кончится!

– А ты чего не носишь свой секретный кулон? – вдруг вспомнила она, когда мы бодро вышагивали по набережной, утопающей в оранжевых лучах заката, будто в стакане апельсинового сока.

– Не покидает ощущение, что я чем-то обязана той старушке, – пожала я плечами. – Не заплатила ни копейки. Все равно, что украла.

– Ну так и радуйся, – махнула рукой Лиза. – Деньги остались на что-то нужное! А секреты не продаются. – Она подмигнула и потащила меня на знакомую узкую улочку чуть ли не вприпрыжку.

– Нет же, – буркнула я. – Расплата придет. Только неожиданно. Лучше бы деньгами отдала.

– Ооо, какие жеребчики! – восторженно пропела Лиза, увидев целый ряд разномастных мотоциклов около нашего места для пятничного ужина. Она ошалело захохотала и с хищным оскалом проскользнула в дверь – так ей не терпелось рассмотреть обладателей двухколесных монстров.

Радомир: Калининград

Впереди целый мир. Огромный, бескрайний. Только дурак мог всерьез считать, что есть какие-то границы. Я же парил, словно гигантский ястреб – мчался на любимом железном коне по пустым дорогам ночного города. Прощался с уютными улицами и старыми двориками, вычурными фонтанами и помпезной лепниной на колоннах облупленных зданий.

Только стены и камни на мостовых – они шептались со мной. Понимали с полуслова. Не люди. Суетливые, мелочные, нервные – люди постоянно гнались за временем, которое сгорало, рассыпаясь пеплом. У меня же не получалось понять их. И я не обвинял никого в тщедушности, лишь признавал собственную инаковость во взглядах и чувствах.

Иногда мне чудилось, что сердце замерло, не способное биться в унисон хоть с чьим-то. Ни дерзкая блудница, ни заумная скромница – не трогали в душе ни единой струны. Зато я мог часами отдаваться музыке или быстрой езде – все лучше, чем скучные любовницы.

В наушниках дребезжал гитарными аккордами любимый рок популярных исполнителей прошлого века. Я добавил газа. Двигатель взревел, верный друг дернулся. Я отправил в ночь довольный рык. Предстояла увлекательная дорога из северной столицы моей родины в Калининград. Я не бы-

вал там прежде, но само название вызывало внутри необъяснимый трепет. Поддавшись порыву, я решил разнообразить скучное существование.

Я не знал, увижу ли мать. Встречу ли по пути кого-то еще? Но тот вечер что-то изменил, будто невидимый крючок в ткацкой машине мироздания наконец зацепил и мою нить. Рана затянулась ожидаемо быстро, мне даже не пришлось ее обрабатывать – заклеил пластырем. А через пару дней содрал зудящую нашлепку и оставил как есть.

Когда въехал в ночной Псков, катался по улицам старинного города, рассматривал крепостные стены. Я никуда не торопился, а с утра устроился в гостинице на «ночлег». Пару раз звонил телефон. Я никогда не отключал звук, всегда оставался на связи. Светлана – личный бухгалтер – требовала некоторых уточнений по моим делам.

А вечером я снова двинулся в путь, пообещав себе мчаться без остановок. И уже ранним утром добрался до Риги. Столица Латвии настолько поразила меня, что я мог бы остаться там дольше. Она дышала. И пахла так по-особому терпко, что я не успел насладиться за столь короткое время! Вот место, где звенела каждая капелька крови в разгоряченном теле. Но я дал себе обещание вернуться в Ригу позже.

Ведь не только то письмо с упоминанием матери и наследства манило вперед, что-то неуловимое, похожее на серебристую паутину, крепилось к груди и требовало ехать дальше, звало из города с мелодичным названием Калининград.

На одной из узких улочек в его центре прятался уютный паб с потертой вывеской «Алхимия». Европейская архитектура заставляла выискивать именно такие места – уносящие в другое время. И если теперь алхимия как наука не существовала, то осталась в названии закуской, что пришла мне по нраву. К тому же, у входа было припарковано не меньше пяти байков. Я невольно отметил спортивный поджарый Yamaha и яркий вишневый Suzuki Boulevard, наверняка оседланный женщиной. Мой надежный красавец Harley-Davidson пополнил стройные ряды собратьев.

Внутри пахло жареными ребрышками, печеными овощами и зеленым луком. Я устроился за небольшим столиком в углу у окна и заказал ужин. Отделка темным деревом уносила в фантастическую сагу о лесном народе. А компания байкеров создавала шумный, но ненавязчивый фон.

Когда мне принесли сковородку, полную ароматного рагу, обильно посыпанного петрушкой, на улице сгустились сумерки. Осенние ночи начинались все раньше, укрывая своим пологом каждого путника. Ведь все мы путешествовали по маленькой смертной жизни. И если кто-то находил интерес в изучении окружающего мира, изобретательстве или праздном безделье, мне все казалось скучным. Я легко овладевал науками, быстро понял принципы экономики и бизнеса, открыл несколько удачных предприятий, что кормили меня. Но не встречал на своем пути никакого сопротивления. От-

того и люди казались пустыми. Ведь я не разделял их проблем. Не видел сложностей в достижении целей.

И почему они извечно страдали? Что не так с их глазами или желаниями? Неужели они не замечали возможностей? Только протяни руку и возьми!

Но и я не был счастлив.

Как бы легко ни давались мне материальные блага, одиночество и скука прожигали внутри большую дыру. Разговоры казались бессмысленными. О чем говорить, когда все уже сказано? Для чего пересказывать другим то, что можно найти на страницах книг? Для чего вновь и вновь мешать им слушать собственные мысли, если по каждому поводу есть страничка в интернете? И я все чаще молчал и наблюдал со стороны. Только в наблюдении процессов порой проскакивал интерес.

Блюдо вышло очень сытным и вкусным. Но от последней ложки отвлекло появление двух девушек. Они проскользнули в дверь со звенящим смехом. Покосились на компанию байкеров. Темненькая хихикнула и хитро прищурилась, зашептала подруге на ухо. Та округлила глаза цвета весеннего неба, даже из своего угла я видел их оттенок, сморщила хорошенький носик и потащила первую за соседний с моим столик.

– Ты видела их мотоциклы? – восхищалась брюнетка. – А тот черный Харлейчик? Как думаешь, чей он?

– Ох, Лизок! – деланно возмутилась синеглазая. – Да ну

их!

– Смотри, вон тот! – громко прошептала Лизок, у меня не было шансов не услышать. – С волосами и бородой. Широкоплечий и такой накачанный! Наверняка его.

– Накачан он пивом, причем знатно, – оценила та, чье имя еще не прозвучало. – Рядом с ним совсем мальчишка. И «кожа» у него прямо под цвет того спортивного. – Она глянула в окно на шеренгу блестящих красавцев.

– Точно-точно. Что сегодня будем? Говяжьи колбаски? – отвлеклась на меню брюнетка.

– С прошлой пятницы хочу креветок! Давай возьмем большое блюдо на двоих, – взмолилась ее подруга. – Со сметанно-чесночным соусом, м-м-м!

– Ты меня пугаешь, – хмыкнула Лизок и многозначительно пошевелила бровями.

– И что у тебя на уме? – прыснула другая. – Я целыми днями торчу в лаборатории. Не до глупостей.

– Ну, креветки, так креветки, – хохотнула Лизок и нашла взглядом официанта в клетчатой рубашке, подходящей под интерьер паба. Девушки сделали заказ. – Твой научный руководитель очень даже ничего. А если посадить его на такого зверя, вот это будет: м-м-м!

Она кивнула на мой мотоцикл, а я усмехнулся в кулак. Девушки даже не догадывались, что ищут его хозяина совсем не в той стороне. Глуповатые, своей непосредственностью они зацепили мое внимание. Но я воспринимал их, скорее, как

младших сестричек. Аж в груди сладко пригрело и отозвалось в каждой косточке приятным гудением.

– Руслан? – Синеглазая округлила рот. – Думаешь, сколько ему лет? Он для меня староват, а для тебя тем более. Да и какой-то мутный. Строит из себя умного, но при этом сыплет идиотскими шуточками на каждой лекции.

– Прикольными шуточками, – возразила Лизок. – Обожаю его лекции. Хоть и раз в неделю. Самый очаровательный препода во всей академии!

Вторая поморщилась. Но вскоре девушки приступили к трапезе. А я заказал перцовый безалкогольный коктейль, ведь не хотел покидать уютное местечко раньше остальных посетителей. Пожалуй, я научусь наблюдать за милой бессмысленной болтовней, и может тогда, спустя годы, найду своей целью сложить часть из них в эпический роман об эльфийских принцессах и храбрых магах замысловатого ордена. Хотя, шумная компания все больше начинала походить на разномастных орков. И как они собирались за руль в подвыпившем состоянии?

И тут среди них промелькнули глаза! Глубокие, темные, такие манящие, что я поперхнулся дивным напитком, чем привлек внимание девиц за соседним столом. Глаза исчезли, затерялись между широких спин. А во мне вспыхнула неведомая прежде жажда. Вот, что мне хотелось бы разгадать!

Я много слышал про человеческий магнетизм, но никогда не встречался с явлением. Тут же пробрало так, что не оста-

валось сомнений – вот он! А точнее, она.

– Его Харлейчик, – сочно шепнула Лизок, когда я вынырнул из тягучего омота. – Он тако-о-ой!

– Какой?

– Подходящий.

– И он точно слышит, – тихонько хихикнула синеглазая.

А Лизок состроила смешную рожицу, что, вероятно, должна была выглядеть соблазнительной, и кокетливо взмахнула ресницами. Я сделал вид, что закашлялся, чтобы скрыть улыбку. Но не удержался и захохотал в голос. А девчонки ошалело вытаращились на меня. Так что, пришлось пояснить:

– Радомир. Harley мой. Без ми-ми-мишных суффиксов.

Беседовать с наивными студентками я не планировал и отвернулся к окну. Сердце пропустило удар. Да не один.

В темно-бордовой «коже» она приблизилась к Suzuki Boulevard и ловким движением набросила шлем. Ровный густой срез мшисто-коричневых волос улегся на спину. Стройное тело выгнулось, изящная ножка перекинулась через раму. Я вскочил и, не помня себя, ринулся к выходу.

Уже в дверях меня поймал официант, предлагая расплатиться за ужин. А она повернула голову в мою сторону, пронзила обжигающим взглядом, выбила дыхание из легких, сковала грудь чугунными цепями. Медленно подмигнула и захлопнула забрало. Boulevard взревел и сорвался с места. За долю секунды скрылся за поворотом.

Воздух улицы хранил сладковатые нотки ее парфюма и обдавал разгоряченные щеки осенней прохладой. Я силился глубоко вдохнуть, но получалось скверно. Ноздри застыли в страхе забыть притягательный аромат. Плотно сжатые зубы мешали отлепить язык от неба и хоть что-то ответить официанту. Но руки сложились замком, напрягая мышцы, чтобы разорвать путы и дать ход стонущей груди.

– Бывает у нас раз-два в месяц, – неожиданно прокомментировал официант.

Я тут же смекнул, что заведение неплохо заработает на моем ожидании. Ведь я подкараулю, когда она заглянет в уютный паб снова. Девушка, имени которой я не знал и лица которой не видел за балаклавой. Но потерял себя в темных глазах, говорящих больше, чем болтливые барышни за соседним столиком.

Неужели Она?

Я уселся на своего зверя, когда на улице зажглись теплым светом фонари на витиеватых столбиках. Открыл навигатор, чтобы проложить маршрут к месту ночлега. Заметил краем глаза, как студентки-хохотушки тоже выбрались из паба и повернули в другую сторону. Синеглазая куталась в пальто лавандового цвета. Лизок ежилась в черной кожаной курточке не длиннее пупка и остановилась у поредевшей выставки двухколесных машин, мечтательно сложила ладошки и демонстративно хлопала ресничками.

И чего дожидалась?

– Пойдем уже, – шипела синеглазая.

– И на кой я с тобой дружу, Элис? – буркнула Лизок. – Ни капли понимания. Мне ведь тоже нужен мотоцикл! У меня к ним страсть! В крови. Ты только пощупай. – Она протянула подруге худую руку.

Элис цокнула языком, закатила глаза и аккуратно ткнула пальчиком подставленную конечность.

– Кровь у тебя скоро смерзнется окончательно. Я пошла.

Элис скрылась за поворотом, тем же самым, куда укатила воровка моего спокойствия. А из дверей вывалилась весьма нетрезвая компания.

– Покатаемся, крошка? – проревел самый крупный из них и облизал девчонку взглядом.

– Ого! – обрадовалась та. – Ага!

Неужели не видела, что мужик пьян?

Из-за угла выглянула Элис. Рванула к подруге, что успела забраться на байк к здоровяку, дернула ее за рукав.

– Отстань. Я кататься.

– Обалдела, что ли? До ближайшего столба?

– Обижаешь, крошка, – хищно осклабился здоровяк. – Прыгай тоже. Втроем еще веселее.

Элис опасно отпрянула, строго посмотрела на подругу.

– Слезай сейчас же! – рявкнула она.

Взревел мотор, мотоцикл дернулся. Синеглазая отскочила. Лизок радостно взвизгнула. На ней не было никакой защиты, только тоненький шмоток дерматина. А изрядно вы-

пивший водитель вывел своего зверя на дорогу и рванул в ночь.

– Не отставай, зайка, запрыгивай, – скомандовал высокий поджарый парень, обтянутый защитным костюмом стального цвета с красными полосами, и поймал Элис за локоть.

Она тщетно пыталась высвободиться. А худой обхватил ее за талию и подтянул на седло впереди себя. Ужасно неудобно для управления. Но, похоже, ему ничего не мешало. Ни брыкающаяся девица, ни отсутствие порядочности.

А я больше не мог оставаться в стороне. Отпустил сцепление, крутанул ручку и в следующий миг оказался нос к носу с любителем длинноухих млекопитающих.

– Кажется, девушка против, – вступился я за глупышку, у которой на глаза навернулись слезы.

– Мы с ней сами разберемся, – отрезал оппонент и, нахально ослабившись, газанул.

Я остался в облаке выхлопа. Сцепил зубы, резко развернул мотоцикл и помчался следом. Честно, хотел по-хорошему. Но парни не оставили мне выбора.

Мощность двигателя и абсолютная трезвость давали мне неоспоримое преимущество. И я быстро нагнал засранца и прикидывал, как безопаснее подрезать, чтобы не навредить девчонке. Но он вильнул влево, затем вправо и улетел в кювет. К сожалению, вместе с Элис. Я притормозил на обочине, хотел вызвать скорую, но чуть впереди услышал визг.

Руки и ноги сработали автоматически. И вот я уже на по-

вороте в безлюдный переулок. На аллее рядом с густыми зарослями акации на боку валялся байк того громилы, что увез отчаянную брюнетку.

И дались мне эти малолетки, жаждущие приключений?

Но рассуждать было некогда. Из темноты послышалось:

– Отстань! Отстань, говорю. Я накаталась!

Я ринулся на звук. Девчонка хныкала и отбивалась. Кусала здоровяка за мощную шею. Но он не реагировал, лишь крепче прижимал худышку к дереву и лез ручищами под куртку. Таких я не предупреждал. Ударил под ребра и под колени. Тот завалился на землю, скорее от неожиданности, чем от силы. А Лизок вдруг остервенело взвизгнула и добавила ему между ног. Жестоко. Но он сам напросился.

– Поехали, – мой голос прозвучал обреченно.

– Не хочу, – заартачилась девица. – Хватит с меня.

– Как пожелаешь, оставайся с ним. – Я резко развернулся и направился к своему байку. Пора на ночлег. Хватит с меня авантюр.

Лизок догнала, пока я надевал шлем.

– Радомир, погоди. – Она робко заглянула мне в глаза, чем и подкупила.

– Запомнила? – усмехнулся я.

Лизок шмыгнула носом, невесомо кивнула и пристроилась сзади. Легонько обхватила руками и прошептала в самое ухо:

– Никогда не сидела на Харлейчике. Невероятно!

– Дурында, – беззлобно отозвался я, будто журил младшую сестренку. И вырулил в обратном направлении к месту аварии.

Элис сидела на обочине спиной к дороге и не мигая смотрела между стволов кленов, что в один ряд росли вдоль и прикрывали канаву. Чуть поодаль кряхтел, вытаскивая байк на проезжую часть, тот полудурок, что чудом не покалечился.

– Элис! – Лизок соскользнула с мотоцикла и бросилась к подруге, а я вызвал девчонкам такси.

Стоило полицию. Так что сфотографировал место ДТП и номерные знаки лихача. Но никто не пострадал, а поэтому я оставил выбор за участниками происшествия.

– Заявлять будете? – осведомился у перепуганных подружек. – Дай телефон.

Лизок безропотно протянула потертый смартфон с отколотым уголком. Я сохранил свой номер и передал ей фото. И убедившись, что обе уселись в такси и поехали по необходимому адресу, отправился восвояси.

Глава 3. Охотники и другие непонятные слова

Элис: лаборатория, набережная Преголи

После пятничных злополучных приключений в субботу я обнималась с бомжом Саней и целовалась с Тристаном, ворвавшимся в лекционный зал. Мужчина так приятно пах вишней, что в горячечном бреду мне чудился осенний сад, где я сидела в развилке дерева и уплетала ягоды за обе щеки. Этот нахал, которого я видела впервые, нежно гладил меня по голове, а потом целовал. Я задыхалась и горела, пижама липла к спине, простыни сбивались в кучу.

Жар спал к следующему вечеру. Остальные симптомы тоже исчезли без следа. Просто я открыла глаза и обнаружила, что прекрасно себя чувствую. Будто в действительности прошедшие сутки некие высшие силы отработывали на мне простудное проклятие:

Вот сидела раньше Элис тихо и не отвечивала. А тут вдруг сразу и старушке не заплатила, и с научным руководителем обнаглела, и с мотоцикла сверзилась.

Хотя, последнее, скорее уже было началом возмездия. И

чтобы окончательно привести мысли в порядок, я рассказала Лизе о странном поведении Руслана Игоревича.

– Я же не смогу теперь молчать как раньше, – пожаловалась, уронив голову на ладони. – Оно ведь само вырвалось. И снова вырвется. Да к тому же, он стал свидетелем поцелуя.

– То есть ты сначала с Русланом обнималась и помидорами его кормила, а потом на его же глазах обжималась с его же другом! – напряженно подвела итог Лиза.

– Ик, – внезапно выскочило у меня. – Не уверена, что они друзья.

– Ты попала, Элис, – почему-то рассердилась подруга.

– Ик? – Да что ж такое?

– Отстань от Руслана и оставь его мне! – строго погрозила она пальчиком.

– Ик! – многозначительно выдала я.

– Издеваешься?

– Ик-ще чего! Хватит придумывать глупости. Он мне и даром не нужен. Считаешь, все-таки из-за этого меня вселенная наказала?

– Тьфу на тебя, – ругнулась Лиза. – Единственный вариант: старушка – ведьма. Подсунула тебе заговоренный фолиант с проклятым кулоном. И ты вляпалась! Кто ж чужие украшения носит?

– Так ты же сама советовала его надеть, – я округлила глаза и несколько раз картинно моргнула.

– А ты и послушалась. Вот и мучайся теперь. Точнее, все

же уже прошло. – Она вмиг развеселилась и с заговорщицеской улыбкой продолжила: – Нам нужно подготовиться к ба-лу. Он уже на следующей неделе. Я приглашу Руслана.

Новая рабочая неделя сразу намекнула, что радоваться рано. В лабораторию снова нагрянул Руслан Игоревич. Да не один. Следом за ним в дверях появился Тристан. В деловом костюме, с кожаной папкой, аккуратно зачесанными набок волосами.

– Знакомьтесь, Ясина, – с порога заявил научный руководитель. – Это Тристан Игоревич. Теперь он финансирует ваш проект.

– А, – все, что мне удалось сказать.

Тристан кивнул и открыл папку.

– Теплица на окраине города, – прочитал он в своих документах о моей сказочной стране с помидорами. – Для начала поставим тепловые пушки. Но до снежного покрова проведем нормальный обогрев. И дополнительное освещение в зимний период не помешает. Выращивать будем круглый год.

– Как? – вырвалось у меня.

– Точно так же, как и летом, – отрезал Тристан.

– Да я запаслась, – для чего-то стала отказываться от круглогодичных полевых работ и потрусилась к высокому шкафу с плотными дверцами. – Вот, смотрите. Тут томатная паста, тут сок, тут целиковые, – продемонстрировала стройные ря-

ды консервации и повела экскурсию к холодильнику. – А тут замороженные образцы. Хватит на всю зиму.

Несмотря на теплые чувства к зеленым друзьям, по телу пробежал холодок, когда я представила, что буду непрерывно огородничать. Чур меня, чур!

– Я найму работников, – будто прочитал мои мысли Тристан.

– Вот еще, – заартачилась я. – Не хватало, чтобы там кто-то хозяйничал! С тем же успехом купим помидоры на рынке, если понадобятся.

– Ты уверен в перспективности ее работы? – обратился Тристан к Руслану Игоревичу, словно я испарилась из лаборатории.

– Абсолютно, – кивнул тот. – Молекулы собрались в невероятные цепочки! Тут есть пара образцов. – И он повел Тристана к чашкам Петри.

А мне захотелось швырнуть в них парочкой подгнивших помидорин. Но я сдержалась. Ведь фактически и сама лаборатория, и мои исследования принадлежали академии. И научный руководитель, и инвесторы имели полное право интересоваться как ходом, так и результатами работы.

– У Лилии Белоусовой тоже наметился прорыв, – вдруг вспомнил Руслан Игоревич и хитренько так покосился на меня. – Взглянем?

– Непременно, – Тристан оторвался от микроскопа, важно выпрямился и поспешил к выходу. – Зайду к Вам позже, –

сообщил мне в дверях.

А я как стояла с открытым ртом, так и осталась.

И что это такое было? Руслан Игоревич планировал задеть мое самолюбие и подстегнуть таким образом к успехам в исследованиях? Или припугнул, чтобы не выпендривалась? Вот гаденыш! Ну и пускай Лилька первая защищает кандидатскую. А этот Тристан? Кто он вообще такой? Мне показалось, или он тоже Игоревич?

– Неужели брат? – спросила у Химичка, который висел на прутьях клетки и высовывал наружу розовый нос и язык. – Такими темпами ты превратишься в собаку.

Тут же усомнилась в своем заявлении, потрепала питомца пальцем по макушке прямо через прутья и по привычке угостила помидором.

– Хотя, – задумчиво поплелась к образцам. – Вот тут молекулы скручиваются в совершенно немыслимые формы. И томатный сок норовит превратиться в заменитель крови. Красный краситель ликопин собирается в оболочку для искусственного гемоглобина. Ты это слышал?

– Мы уже перешли на «ты»? – прошептал на ухо, неожиданно оказавшийся прямо за спиной, Тристан.

Я вздрогнула и уронила на пол помидоры, которые успела небрежно ухватить из пластиковой корзины. Рванула вперед – так хотелось увеличить расстояние между нами. Но мужчина тенью проследовал за мной, шелохнувшись в такт, будто осенний ветер сдул две пылинки с мостовой.

– Да что вы себе позволяете? – разозлилась я и резко развернулась, раздавив помидор.

Под туфлей хлопнуло, сок вместе с семечками брызнул в разные стороны, попал на тонкие колготки, что тут же промокли, заляпал красным полы белого халата. А вот на черных брюках Тристана больше выделялись золотистые бусинки спелых семян.

– Ты вкусно пахнешь, – нагло заявил Тристан, разглядывая расплющенный плод на полу.

– Вы разговариваете с помидором? – вскинула я брови, хотя недавно сама же беседовала с хомяком. – В смысле, не смейте больше ко мне подкрадываться! Моя угроза обратиться в ректорат все еще в силе.

Тристан медленно поднял на меня тяжелый взгляд. Радужки походили на искрящийся на солнце янтарь с побережья. Аж захлестнуло мощной волной, будто мужчина схватил меня за тонкую талию одним этим взглядом и потянул на себя.

А в следующий миг я не поняла кто приблизился, он ко мне или я к нему. Но его громкий выдох защекотал шею, смахнул, выбившуюся из хвоста, прядь волос, разбежался мурашками вниз по спине. Мужские губы невесомо скользнули по нежной коже, заставляя меня шумно втянуть аромат переспелой вишни.

Точно пожалуюсь! Разве можно так обращаться с беззащитными хрупкими девушками?

– Приложу все усилия, чтобы этого больше не повторилось, – внезапно выпалил он, затаив дыхание, и со скоростью взаимодействия калия с водой выскочил за дверь.

А я только собиралась сдаться!

Тьфу!

Да конечно! Вот еще! В смысле, ни за что! Я видела-то его второй раз в жизни! И понятия не имею, кто он такой.

– Вот так, Химичок, – пожаловалась я питомцу. – Так наивные девушки попадают в сети коварных искусителей. Будешь свидетелем. – Закатила глаза, шлепнула себя по лбу и добавила: – Свидетелем этого безобразия! А не того, что ты там себе напридумывал насчет белых платьев, кружев и торжественной музыки!

Я соскробла с пола раздавленный помидор и хотела отправить его в мусорное ведро, как голову посетила шальная мысль.

– А что, если реакция уже началась? – заинтриговала Химичка, который аж выронил из лапок свой кусок черри.

Плюхнула останки, тьфу, остатки плода в специальный стакан, растормошила стеклянной трубочкой, взвесила, отмерила нужное количество воды для раствора. И сама не заметила, как оказалась у своей любимой химической установки. Несколько стремительных преобразований, и образец капнул на предметное стекло.

– Милые мои! – пропела я со слезами на глазах. – Скукожились! Неужели помогли бактерии? Не разложить, а струк-

турировать? Как так-то?

Но я тут же припомнила кисломолочные продукты и успокоила барабнящее в груди сердце. Осталось выделить необходимый штамм, чтобы вместо тухлых помидор получить оболочки для гемоглобина.

– Ты представляешь? Он хмыкнул мне в лицо! – возмущалась Лиза вечером.

Мы гуляли по набережной в те дни, когда не работали после учебы. Темная река неслась к морю, отражая мутные клубы сизых туч. Мелкие капли прохладной дисперсией витали в воздухе и оседали на открытых участках кожи, путались в волосах и застревали между ресниц. Часто именно у воды меня посещали гениальные идеи. Так что даже прогулка казалась важным процессом в создании заменителя крови.

– Ты меня вообще слушаешь? – взывала подруга, не получив должного сочувствия, которого я не испытывала, ведь считала ее восхищение Русланом Игоревичем – ребячеством. – «Чтобы я со студенткой?», – изобразила она его гримасу.

– Наконец-то ты увидела его истинное лицо, – хихикнула я.

– И это называется «лучшая подруга»? – продолжала негодовать Лиза. – Да что с того, что я студентка? Закончу весной магистратуру. И тю-тю. Тут всего-то осталось. А он...

Деревья вдоль тротуара зашелестели в порыве ветра, будто соглашались с Лизой и журили меня за то, что не смогла проникнуться ее болью.

– Возможно, он хотел быть вежливым, – ляпнула я и осеклась. Сообщать подруге в таком состоянии, что скорее всего Руслан Игоревич не испытывал к ней взаимной страсти, не стоило.

С уловимым хлопком зажглись фонари, и влажная морось показалась чуть более уютной. Теплое освещение всегда придавало обычной жизни сказочного настроения. Я непроизвольно улыбнулась, а недовольство подруги растаяло в рыжеватых лучах.

– Гад какой! Покусаю! – окончательно разозлилась Лиза. А нет, на самом деле не растаяло. То лишь в моем воображении.

В тот же самый момент неприметная девушка, сидящая на лавке, мимо которой мы шли, завалилась на бок. Сумочка упала на асфальт, звякнув массивным декором.

– Вот приличная же с виду! И для чего так нахрюкалась? – продолжала подруга на своей волне.

Но меня что-то остановило. Аккуратная прическа, стильное пальто, кремовый палантин с модным принтом.

– Может, ей плохо?

Я медленно подошла к лавке и наклонилась. Будучи химиком, знала точно, что нельзя с наслаждением тянуть носом незнакомые запахи, поэтому несколько раз взмахнула ладо-

нью, подгоняя воздух к лицу.

– Не чувствую этанола, – вынесла вердикт. – Легкие нотки корицы и цитруса, отдаленный цветочный оттенок.

– Девушка, вам помочь? – рявкнула Лиза на ухо, тут же включившись в исследование, и тряхнула ее за плечо.

Голова незнакомки безвольно дернулась, волосы заструились на лавку, а я заметила темное пятно на одежде около плеча.

– Лизок, это кровь?

– Тебе виднее.

– Я подвинусь. Смотри.

– Ты без микроскопа кровь не узнаешь? – с прежним раздражением буркнула подруга. – Ты же возишься с заменителем днями напролет!

Кусты за скамейкой шевельнулись. Послышалось тяжелое дыхание, быстро переросшее в предупреждающий рык. А в следующий миг лавку перемахнул крупный пес.

Где-то я такого уже видела! Длинный нос, мощная челюсть.

– В скорую звони, – пискнула я Лизе.

Решила, что с четвероногим монстром придется разбираться мне. Может, потому что он хищно пялился и рычал все сильнее, сверкая красноватыми глазищами?

– Держи погань! – донеслась из-за деревьев леденящая душу команда.

Стальной голос принадлежал женщине и показался знако-

мым, но воображение нарисовало трехметровую кобру, выползающую из кустов. Вопреки ожиданиям, выскочила Белоусова.

– Лилька? – вырвалось у меня.

Пес скалился, демонстрируя ровные белые зубы, способные без труда дробить кости. Однокурсница приближалась, виляя бедрами в обтягивающих кожаных брюках и черном плаще.

– Ясина! – произнесла Лилия так, будто застала меня на месте преступления. – Вот ты и попалась.

– Напротив острова на стороне замка, – вопила Лиза в трубку, а я и пропустила, когда она дозвонилась. – Молодая. Нет, мы не знакомы. Да, подождем. Не знаю.

– Взять, – коротко бросила Белоусова, пока я отвлекалась.

문리사

Ее громадный зверь без промедления изловчился и прыжком повалил меня на землю. В глазах потемнело. Лишь потом я почувствовала жгучую боль в затылке, спине, груди и вспомнила о необходимости дышать. Но ребра свело, и воздух натыкался на невидимую преграду. Лишь когда на лоб капнула горячая вязкая слюна монстра, я забарахталась, будто вынырнула из потемневшей реки Преголи. Пес гавкнул и прикусил меня за шею, чтобы не дергалась.

– Вызову, пожалуй, еще несколько служб, – для чего-то сообщила Лиза и сжалась в стороне. Видимо, чтобы не огрести за компанию.

Нет бы и позвонила втихаря, и помогла физически!

У Белоусовой в руке блеснул изогнутый нож, она подскочила сзади. Прохладное лезвие прижалось к моей шее с другого бока.

– С ума сошла?! – завопила я в отчаянии. – Хватит! Несмешно!

– А я и не шучу, – опасно пропела она. – Я давно заметила, что ты со странностями. Теперь вижу наверняка. Если бы не мы с бухгалтером, ты бы убила девчонку прямо посреди улицы.

– Чего?! – голос сорвался на хрип, пес прикусил сильнее.

Ох ты ж, Лешкин кот! Совсем, что ли, у нее крыша поехала?

– Пусти! Ты в лаборатории нанюхалась или напробова-

лась? Я тоже за тобой замечала! – перевела я стрелки, будто в моем положении это могло как-то помочь. Впрочем, сумасшедшая однокурсница медлила, хотела бы покалечить – сделала бы быстро и пошла домой.

– Заканчивай вопить. Я бы убила тебя на месте, но мне нужна рыбка покрупнее, – озвучила Белоусова.

– Съезди к морю? – пискнула я.

На долгий миг она обалдела и ослабила напор. Милый песик вопросительно покосился на хозяйку. Белоусова тряхнула головой, конец высокого белокурого хвоста хлестнул ее по щеке. На груди звякнул о металлические клепки знакомый кулон на толстой серебряной цепочке. А нож уперся в мою нежную шею с прежней силой.

– Твое украшение, – проямлила я и попыталась дотронуться рукой до желтого перламутрового камня.

Белоусова пресекла мое телодвижение и гаденько усмехнулась.

– Кто тебя обратил? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– Ик, – выдала я, от чего кожу одновременно покарябали и сталь, и зубы. – Напомни тему своей диссертации? – Я все же подозревала психотропные вещества.

– «Биоактивные консерванты в заменителях крови», – на автомате выдала она, ведь никогда не упускала возможности похвастаться своим блестящим интеллектом.

Краем глаза я заметила промелькнувшую тень, а в следующее мгновение Белоусова подскочила и пошатнулась. Нож

зазвенел, ударившись о чугунную ножку лавки, где лежала пострадавшая. О ней-то мы позабыли!

– Элис? – взвизгнула Лиза. – Фу! Фу, хорошая собачка. Отойди, пожалуйста!

Пес не пошевелился. А Белоусова и не подумала отступить надолго. Она вынула из высокого голенища маленький метательный ножик и пригрозила:

– Слюна бухгалтера не убьет тебя, но сильно ослабит. Я слежу за тобой, Элис. А ты, – обратилась она к Лизе. – Беги, пока не сожрали! А если надеешься стать такой же – не мечтай о романтическом путешествии в бессмертие. Они смертны.

Послышались звуки сирены. Алые с синим сполохи мигалки окрасили серые сумерки. Белоусова снова трянула длинным светлым хвостом и подняла оружие.

– Крона, за мной.

Мощные челюсти разжались, и идеально послушный зверь побежал за хозяйкой. Я жадно втянула вечернюю прохладу, будто могла насытиться сладковатым влажным воздухом, и осторожно села.

– А ну стой! – завопила Лиза и помчалась за Белоусовой.

Ко мне подбежала бригада скорой помощи. Раны на шее обработали. Ехать в больницу я отказалась. А вот девушку с лавки забрали раньше, чем появилась полиция.

Лиза бойко рассказала обо всем произошедшем, и нас отпустили домой. Правда, обещали вызвать в отделение спе-

циальным оповещением. Как и Белоусову! Да-да, мы нажались.

Наша маленькая однушка показалась оплотом спокойствия после недолгих, но малоприятных приключений.

– Это ведь Лилька ранила ту девицу? – догадалась я, сидя на кухне, когда Лиза промывала ссадину у меня на затылке. В скорой предлагали обрить волосы для проведения дезинфекции, и я отказалась в письменном виде.

– Есть такие, – задумчиво протянула подруга. – Учатся до посинения, а потом не знают, куда пар девать! Сидят на форумах, рубятся в тематические рпг. А потом идут в реальный мир истреблять нечисть. Бррр! – Она картинно передернула плечами и с энтузиазмом прыснула мне на голову еще перекиси водорода. – Там даже есть специальные награды за такое вот.

– Серьезно? – рот сам собой приоткрылся. Похоже, я отстала от жизни. – Наверное, весело.

И как я умудрилась перескочить из детства сразу в старушечьи интересы? Вроде совсем недавно училась в школе, а теперь помидорная теплица и домашние заготовки – моя главная отдушина! Хотя... я пыталась быть как все... но сразу после окончания школы поняла, что лучше сосредоточиться на учебе и больше не вспоминать о сомнительном веселье.

– Ну, если мы сейчас веселимся, – развела руками Лиза. – То в прошлую пятницу мы слабовато развлеклись. И что там

тот осенний бал? Детский утренник – не иначе.

– Ну вот, а ты из-за Руслана Игоревича расстраивалась. Может, он тоже из этих? Ну, тематических?

– Он просто счастья своего не замечает, – буркнула подруга. – Ему такая красота свалилась, а он отряхивается вместо того, чтобы хватать скорее!

– Говорю я тебе – мутный! – Рука взметнулась к кулону, а взгляд упал на полупрозрачный селенит. – Как этот камень.

– Камень, – задумчиво протянула Лиза, уселась напротив меня и дотронулась до искусной оправы. – Ты ведь заметила у Лильки. Думаешь, совпадение?

– Слишком странное.

– А собака?

– Вот уж собак по улицам толпы ходят. Чего не скажешь о фамильных драгоценностях.

– Возможно, из положения «лежа» ты плохо видела, но я-то хорошо рассмотрела. Зверь той же масти, что и у старухи!

– Да в темноте...

– Вот для чего ты споришь, Элис? Очевидно, тебя втянули в какую-то игру. Осталось узнать правила.

Радомир: адвокатская контора, погреб

Что за игру затеяла моя мать? Почему не написала мне лично?

Все важные дела давно решались по электронной почте и видеосвязи. Но в бумажном письме значился только физический обратный адрес. Адвокатская контора, из которой его отправили, приютилась на тихой окраине города.

Низкое небо укуталось зеленоватыми тучами, что умывали покатые крыши мелкими пылинками влаги. Дождь не мешал передвигаться на мотоцикле, кожа защищала надежно. Но мой слегка помятый вид обескуражил строго одетого секретаря в маленькой приемной. Он боязливо принял конверт из моих рук и подтвердил, что лично отправил его несколько месяцев назад.

– Дарья Семеновна свободна, – сообщил он. – Подождите здесь.

И удалился в кабинет за белоснежной дверью. Старое здание пахло по-особому уютно, несмотря на расположенный в нем офис. Потолки демонстрировали нарядную лепнину, и я не заметил ожидания.

– Проходите, – пригласил худощавый секретарь.

Дарья Семеновна оказалась моложе, чем я представлял. Стройная, с идеальной укладкой, она смотрелась строго, но

не многим старше меня.

Грузные дамы преклонного возраста – отменяются.

Она проверила мои документы и глянув поверх тоненьких раскосых очков вынесла вердикт:

– Похож.

– Она ведь еще жива? – без обиняков спросил я, усаживаясь на металлический стул с мягкой обивкой.

– Именно. Но готовится к покою. И оставила для Вас определенные инструкции, – сообщила Дарья Семеновна и развязала ленту на картонной папке.

– К чему такие сложности? Она могла написать лично, – удивился я, хоть никогда не общался с матерью.

Всегда думал, что она потеряла наши с отцом контакты. Но раз уж нашла мой адрес в Петербурге, отыскала бы и смелости! Все-таки женщины – чересчур непоследовательные существа.

– Это было бы неосмотрительно, – пояснила на своей волне симпатичная адвокатша. – Но я целиком в курсе дела. Если вы понимаете, о чем я.

И она медленно подмигнула правым глазом, придерживая очки изящными пальчиками. Я не понимал, но лишь серьезно сдвинул брови, надеясь на более подробные объяснения.

– Эдита Петровна оставила шкатулку и личный дневник. – Дарья Семеновна внимательно проследила за моей реакцией. – А еще ключ от погреба в черте города.

– Погреба?

Вместе с удивлением рос интерес. Но получить в наследство от еще не почившей матери погреб? Я бы посмеялся. Абсурдность владения погребом в нашем веке соревновалась с детскими эмоциями, которые вдруг поднялись в груди.

Эта женщина бросила меня ребенком и никогда ничего не дарила! А теперь хочет, чтобы я читал ее писульки, сидя в холодной яме, давно изжившей свое предназначение?!

– Это все? – попытался придать голосу безразличия, но вышло с хрипом.

– У нее нет собственной жилплощади из-за частых переездов. Но...

– Я не о квартире, – перебил адвокатшу. – Она не хотела встретиться?

Сам не знаю, для чего это спросил. Ведь если бы хотела, не ввязала бы в дело посторонних людей.

Дарья Семеновна снисходительно улыбнулась, громко выдохнула и вытащила из папки документы. На них уже стояла подпись матери – округлая закорючка с витиеватыми хвостиками. И когда с бумагами было покончено, у меня в руках очутилась ключ-карта от банковской ячейки.

– Старушка явно перестаралась, – пошутил я, но адвокатша лишь наморщила лоб.

– Будьте бдительны. Они следят за нашей конторой, – предупредила она на прощание.

– Они?

– Вы кажетесь умным парнем, Радомир. Несмотря на весь

этот эпатаж. – Дарья Семеновна обвела взглядом мою грубую куртку и протянула визитку. – Звоните, если будут вопросы. Мой личный номер на обороте.

Ровная белая улыбка проводила меня до массивной двери, и я в недоумении обнаружил себя на улице. По блестящим бокам байка бежали ручейки, но я вбил адрес банка в навигатор и, вскочив в седло, сорвался с места.

Теперь у меня есть собственный погреб в Калининграде. Предел мечтаний.

Порывы ветра сдули мой раскатистый смех к реке. Я никогда не обижался на мать. Вот и теперь неприятные чувства схлынули, уступив место привычному спокойствию и превосходству. Мне всегда все доставалось легко. Даже то, чего я не просил.

Может, и та девушка из паба появится на очередном перекрестке, и сама прыгнет в объятия? Объеду весь город и обязательно найду ее!

Я поддал газа и поднял Harley на дыбы.

– Да! – выкрикнул свое окончательное решение. Сказанного не воротишь, а значит, я обязан выполнить задуманное.

Туман над потемневшей от дождя Преголей проглотил мой радостный вопль – вызов принят!

Унылый дворик со старыми облупившимися лесенками и каруселями прятал за раскидистым кустом сирени заросший жухлой травой холм. Низкие двери и вентиляционные ре-

шетки указывали на верность адреса.

– Всего три. – Я пожал плечами и примерил ключ к самой первой двери – не подошел. Зато с тихим шуршанием проник во вторую скважину, но проворачиваться не спешил. Только с третьей попытки открылся проход.

Дыхание стен, вопреки моим ожиданиям, оказалось приятным. Как если бы внизу хранились раскаленные на солнце морские камни с кусочками изумрудных водорослей. Я спустился по узким ступенькам на тесную площадку и обнаружил электрощит. Впереди зажглась устаревшая лампа накаливания, но оттого подземелье приобрело неповторимый оттенок прошедшей эпохи. Воображение живо нарисовало хрупкую женщину, таскающую мешки с картошкой и ящики с морковью.

Но путь закончился широкой лестничной площадкой с кирпичной аркой и тяжелой дверью. Казалось, стоит толкнуть стену или надавить на секретный выступ, как откроется новый спуск. Иначе для чего столько свободного места рядом с дверным проемом? Старый массив дерева то ли просолился, то ли пропитался чем-то неведомым, но створка выглядела припыленной и очень тяжелой. Она идеально вставлялась в коробку и открывалась крупным флажковым ключом.

Кромешная тьма в комнатухе мешала разглядеть припасы, но я нащупал носик древнего выключателя, и по левой стене засветился целый ряд вытянутых колб. Из груди

невольюно вырвался воздух, будто невидимый враг саданул под дых.

Каменные стены были покрыты крюками с холодным оружием и полками со склянками, заполненными отнюдь не консервированными огурцами. В правом углу тесная клетка с мощным засовом прятала тяжелые цепи. Прямо из потолка торчала изогнутая труба, напоминающая перископ. На вытянутом столе прямо под лампами аккуратным рядком устроились книги. Удобное кресло манило присесть и заглянуть в один из фолиантов или ящичков тумбы. Но руки полезли в сумку, куда я убрал дневник матери и шкатулку, которые лежали в ячейке вместе с ключами от погреба. Теперь идея вчитаться в ее измышления показалась вполне разумной.

Но тетрадь с записями раскрылась на месте вложенной страницы:

«Радомир, не стану говорить, как раскаиваюсь, что оставила тебя. Я очень скучала, но не жалею, ведь не могла защитить тебя иначе. Жалею лишь, что не удалось совместить жизнь охотницы с материнством. Но твой отец – человек достойный. Уверена, он воспитал тебя сильным и смелым мужчиной.

Я появилась на свет в семье охотников, получила знания и умения от родителей. Но в обход традиций вела свои дела в одиночку. Зато у тебя было достойное детство, сокрытое от погани. Надеялась найти преемника из другого рода или простых людей, но не сложилось.

Теперь я стара, а ты давно взрослый. Сможешь решить, насколько по нраву тебе подобное занятие. Прими мое на следие или забудь о том, что здесь увидишь.»

В душе замельтешили пепельные клубы сомнений и догадок. А по телу пробежали мурашки, пощипывая кожу до боли.

Чем же тут занималась эта женщина?

Страницы напряженно шуршали, словно потрескивали электростатическими разрядами, пока я нетерпеливо перелистывал дневник. Надеялся, что глаз зацепится за важные слова, выхватит суть из тонких строчек мелким убористым почерком. Но замечал лишь обрывки фраз, куски рисунков, цифры в граммах.

– Неужели? – прошептали мои губы, а руки полезли за той потертой книжицей, что всегда хранилась у меня и успокаивала всякий раз, когда нужна была материнская поддержка.

Книги оказались разными по величине и толщине, но я повернул их боковым обрезом к середине и одновременно раскрыл на первых страницах. Буквы перетекали с одного переплета на другой. Я подровнял строчки, нашлись даже специальные засечки! Рисунок цельного текста сложился четко! Стали различимы составы отваров и настоек. А книга, что была крупнее и попала ко мне в руки только сегодня, выявила самостоятельные надписи на полях.

Я разглядывал рисунки и схемы замысловатых реакций, то ли настоящих химических, то ли фантазийных. Ведь в ре-

цепте вытяжки из полыни упоминались фазы луны. Кончики пальцев отчего-то нестерпимо зудели, задевая желтоватую бумагу с поблекшими линейками. Обе руки сразу переверачивали страницы в разные стороны. Я тихо ликовал и восхищался хитростью этой загадочной женщины.

Косился на полки с пузырьками, нашел в углу около двери перегонный аппарат, горелку, колбу. Но когда наткнулся на подробные чертежи для конструирования арбалета и стрел, вымоченных в специальном составе, к горлу подступил тугой ком. Под ключицей глухо заныло. Я потер, зажившее недавно, место и снова обратил взгляд к оружию на стене. Изогнутые кукри, карманные арбалеты, серебристые удавки – ошеломляюще походили на арсенал грозного мужика с огромной собакой...

Меня передернуло.захотелось выбраться на свежий воздух. Я прихватил дневники и шкатулку и торопливо покинул мрачную комнатушку.

Глава 4. Пожалеешь и разочаруешься

Элис: бал в академии

Мне плохо помнилось то время, когда подготовка к увеселительным мероприятиям доставляла удовольствие. Теперь же я просто плыла по течению.

Бал? Одеваюсь. Второпях? Подумаешь.

С ббольшим удовольствием я бы провела вечер с любимой книгой. Или в томатной теплице, где всегда пахло влажной землей, солнцем – несмотря на любую погоду снаружи – и терпкой ботвой. Опушенные листья ласкали оголенные участки кожи, оставляли желтоватые разводы на одежде, но дарили спокойствие. Кажется, только среди растений я чувствовала настоящее умиротворение. Пробирки в лаборатории требовали постоянной борьбы за результат. Окружающие ждали от меня непрерывной пользы. А помидорные кустики просто росли, и мне все сильнее чудилось, что сами, без моей помощи.

После субботней лекции я наскоро влезла в платье из голубого льна и подкрутила концы волос, прямо в хвосте. Бал начинался рано, и мы действительно спешили.

– Распустила бы ты эту башню! – запротестовала Лиза, когда я уже куталась на выходе в лавандовое пальто. – И что ты там вечно прячешь? Боишься, что люди заметят твою привлекательность?

– Если ее заметят нелюди – проблем не оберешься, – саркастично фыркнула я.

Мне бы хотелось возразить нечто более остроумное, но где-то глубоко внутри заворчалось прошлое. Я действительно боялась. И даже боялась признаться в этом самой себе. А за сарказмом правда пряталась куда легче. Но я сорвала с волос резинку, потрясла головой, чтобы длинные пряди распределились по спине, и выдохнула, оставив настоящие мысли при себе.

Ну не выяснять же этот вопрос в дверях, в самом-то деле!

– Вот и чудненько, – прокомментировала Лиза и влезла в сапоги на высоченном каблуке.

Кроссовки неуместно выглядывали из-под подола моего платья, но туфли я взяла с собой. Цокать по брусчатке шпильками – излишнее издевательство. Бал в академии, вот там и буду красоткой с ног до головы. А на улице в последнее время со мной случалось всякое. Шишка на затылке болела, мешала спать ночами и одновременно чесалась. А порезы на шее приходилось прятать под пластырями.

– Ты ее видела? – неопределенно спросила Лиза, когда мы натужно вышагивали по бульвару к ВУЗу. Подруга держала меня под локоть и старалась не отставать, но прогулка дава-

лась ей с заметным трудом.

– Лильку? – догадалась я. – В лабораторию к ней не заглядывала. А сегодня на лекции она пыталась шутить про мою шею. Но Руслан Игоревич ее осадил.

– Я же говорила, что он лапочка! – Лиза мечтательно сложила ладошки.

– Он при этом так свирепо на меня посмотрел, – поежилась я от одних воспоминаний о неожиданном гневе преподавателя. – И какое ему дело до моей шеи?

– Вот и правда, – согласилась подруга. – Лучше бы на мою запал.

– Я надела кулон. Под платьем его не спрятать, слишком открытое, – решительно изрекла я. – Пусть Лилька знает, что и у меня такой. Что бы это ни означало.

– Как раз и выясним.

Парадный вход в академию украшали прессованные кубы сена, корзины с яблоками, пышные букеты из кленовых листьев, кабачки и тыквы. Девчонки с первых курсов толпились, складывали губки в пухлые бантики, зажимали в пальцах воображаемые сердечки и радостно верещали на камеру.

– Фотозона! – возликовала Лиза и тоже вытащила смартфон из маленькой лаковой сумочки в тон наряду, будто покрытому дорожкой краской с частицами Vantablack.

Мое же голубое платье ни капельки не подходило под осеннюю тематику, но чудно сочеталось с глазами и пальто. Желтоватый камень украшения почти светился маленьким

солнышком на его фоне. Я решила, что похожа на кусочек осеннего неба, и смело сфотографировалась с подругой на фоне урожайного изобилия.

– Твоих помидоров тут не хватает! – весело подметила Лиза и устремилась внутрь.

– Вот и они, – хохотнула я.

В большом вестибюле с высокими колоннами вдоль стен выставили парты. В полупрозрачных салатниках кучками лежали алые плоды: помидоры, яблоки и поздняя вишня. Под высоким потолком сверкали маленькие лампочки, свисали ленты с подсохшими листьями и гроздьями рябины. А балюстраду второго этажа увивали ивовые прутья со светодиодами и имитацией гигантских пауков.

– Они ведь ненастоящие? – Лиза вцепилась в мою руку крепче, но сфотографировала членистоногих монстров.

– Я думала, у нас ежегодное празднование осеннего равноденствия – традиция ВУЗа, – хмыкнула, разглядывая убранство. – А не «ужастик-пати».

Из колонок в углах зала лилась современная музыка, но рядом со ступеньками громоздилась барабанная установка и гитарные усилители. Местный коллектив готовился к выступлению. Совсем молодые мальчишки в клетчатых рубашках и узких джинсах настраивали звук сквозь дымку иностранной композиции.

– Засмотрелась на басиста? – толкнула в бок Лиза. – Идем в гардероб.

– А он и правда ничего, – хихикнула я. – Но, наверняка, первокурсник. Зачем ему аспирантки?

Мы обменяли верхнюю одежду на потертые латунные номерки, окошко было тут же. Удобная обувь, к сожалению, тоже отправилась в гардероб, а лаковые туфли на среднем каблуке сделали меня выше и изящнее. Но уж слишком напоминали о времени, когда я считала, что обязана носить только каблук, срочно обзавестись любящим мужем и забыть о науке и прочих интересах, ведь жизнь бы удалась и на этом почти закончилась.

– Ты зациклена на возрасте, – с хитрой ухмылкой возмутилась Лиза. – Руслан – староват. Басист – слишком юн. Тебе не угодишь! Какой же он, твой идеал?

Как раз в этот момент в вестибюле показался Руслан Игоревич под руку с Белоусовой. Сердце пропустило удар. Два. Три. Я закашлялась, а из глаз брызнула влага. Лиза заботливо шлепнула мне между лопаток, округлила глаза и припечатала:

– Вот коза! Да-да, Элис, ты права, можешь больше не надрывать.

Першение тут же прекратилось, я вдохнула что было сил. Но унять сбивающееся сердце не получалось.

– Да что ж такое-то? – пропищала я, повиснув на подруге. – Это ведь точно Руслан? В смысле, Игоревич.

– Приделся и причесался, но точно Натанг, – уверила Лиза. – Он с Лилькой! Вот что ужасает! Меня отшил и припер-

ся с ней!

Мы тарасились на преподавателя и его пару, а он внезапно посмотрел на нас. Яркие чайные глаза прошили через толпу тысячами горячих иголочек, отправляя по телу жаркую волну... смущения.

И я бы очень хотела отвернуться и сделать вид, что увлечена созерцанием пауков с мохнатыми лапами или музыкантов с крутыми гитарами, но неведомая сила мешала. Приковывала внимание к этому мужчине, будто единственному не только в праздничном зале, но и на всей планете.

И что за чушь? Он ведь мне никогда не нравился!

Но голова не двигалась, а так хотелось потрясти её, чтобы сбросить наваждение. И я тонула. Тонула посреди вестибюля – посреди океана, кажущегося очень знакомым, но в то же время неизведанным. Будто в его глубине ждали открытия, манили леденящим душу голосом и посылали щекотные пушинки блуждать по коже. Те скапливались в груди, подбирались к горлу, требовали зажмуриться, как если бы я падала со скалы без исправного парашюта за спиной.

– А ну прекрати! – взвизгнула Лиза на ухо, наконец прервав безумный полет в пучину. – Не смей на него так пялиться! Ты мне подруга или кто?

– Или подруга, – пролепетала заплетающимся языком.

Огляделась, но научный руководитель вместе со своей спутницей затерялся в уплотняющейся толпе. Ведь только мгновение назад держал меня на прицеле! И пропал!

Музыка стихла, на ступени вышел ректор, Максим Андреевич, и объявил начало праздника. Его сопровождала супруга, Алла Ильинична, которую мы знали в лицо. Она всегда сновала неподалеку, такая же подтянутая, загорелая, с широкой улыбкой, как и ее муж.

– Такие идеальные, аж тошно, – прокомментировала Лиза. – Но милашки. Но зубы сводит. Просто прелесть.

Я захохотала в голос. Подруга часто меняла мнение или легкомысленно путалась в показаниях. Может, именно поэтому я не придавала значения ее безответной влюбленности в преподавателя. Ведь Руслан Игоревич – всего лишь ненавязчивая тема для милой девчачьей болтовни. Было бы совсем плохо, обсуждай мы днями напролет пробирки, фенолфталеин и трансизомеры ликопина.

Максим Андреевич дал отмашку и, как только зазвучала музыка, закружил жену по глянцевому мрамору зала в традиционном вальсе, который открывал все праздники в нашем учебном заведении. Следующими от расступившейся толпы отделились Руслан Игоревич и Белоусова.

К горлу вновь подкатил ком, зубы закрипели друг о друга, а Лиза как коршун впиалась ногтями в мое предплечье.

Да как же так? Ведь подруга права. Научный руководитель не может мне нравиться. Вот ни чуточки! Ведь я хорошая подруга.

А он танцевал с Лилькой, и мои глаза не замечали никого вокруг, следили за ненавистной парой.

– И чем я хуже? – буркнула Лиза, уткнувшись в меня лбом.

– Ты не дочка ректора, – громко шепнул, подкравшийся сзади, одноклассник Юрик.

– Чего? Лилька? – Лиза вытаращила и без того крупные глаза и заметно оживилась.

– Ага, – подмигнул Юрик.

– Ты так решил, потому что у них одинаковые фамилии? – я скептически сморщила носик, ведь проучилась вместе с Лилькой столько лет и подобных сплетен не слышала.

– Она не афиширует, но это именно так, – настаивал он. – Танцевать пойдешь? – Он весело протянул руку к Лизе и покосился на меня. – Элис на карантине, до нее я даже дотрагиваться боюсь.

– Пойду! – с озорным огоньком выпалила Лиза. – И приворюсь, что не слышала последний комментарий.

– Ух, а у нас есть зубки! Мне нравится.

Парень закружил Лизу в гущу событий. А я прихватила со стола помидор и запихала его в рот целиком, чтобы не обляпать платье. Юрик слыл балагуром и бабником, торчал в аспирантуре непозволительно долго. Но это не мешало подруге повеселиться на балу, тем более что объект ее мечтаний предпочел другую. А у меня разве что слюни на него не капали.

Что за наваждение?

Миска с помидорами стремительно пустела, а первый та-

нец закончился. Зашуршали электрогитары, брызнули тарелки, бахнул барабан – в зал ворвались сочные аккорды рока. Вместе с ними меня кто-то тронул за плечо.

Помидоры потеснились за щеками, я вопросительно приподняла брови и повернулась. Вблизи я точно разглядела, что передо мной вовсе не Руслан Игоревич. Он подошел один, без своей спутницы, и пристально смотрел мне в глаза.

– Ик, – выдала в попытке прожевать и проглотить помидоры. – Вы прэ-крас-мо танцуете.

Язык заплетался между кисло-сладких кусочков, но я не могла просто есть, как ни в чем не бывало, когда в лицо уставился столь завораживающий мужчина.

– А вы пахнете помидорами.

Где-то я уже это слышала! Но вместо ответа схватила со стола полупустую миску и протянула преподавателю. Он отчего-то опешил и застыл, видимо гадал, какой из краснопузых шариков вкуснее. А я успела отправить сочную мякоть в желудок и вздохнула с облегчением, что не укрылось от мужчины.

Он встрепенулся, вернул миску на место, печально проводил ее взглядом, слегка наклонился и предложил мне руку. Я молча вложила пальчики в его прохладную ладонь и незаметно для самой себя оказалась в центре движущейся под гитарный рок массы.

Песня казалась заунывной, и преподаватель – точнее, вовсе не он – хитрым образом вертел меня, перехватывал ру-

ки, выделял замысловатые шаги. Я лишь следовала за ним, путалась в каблуках и растворялась в неведомых ранее ощущениях. На тех вечеринках, куда меня таскала Лиза, подобным танцевальным искусством никто не обладал, мы просто дрыгались в такт. Тут же происходила магия.

Момент, когда я перестала слышать музыку, пропустила. Зато нарастал знакомый запах пряной вишни. Тот самый, что уже сводил с ума слабую девичью натуру. А затем его губы коснулись моей шеи, отправив жаркие мурашки вниз по позвоночнику.

– Будь моей, – прошептал он на ухо.

– Чьей? – вырвалось у меня вместо возражений, рассудок затянула ласковая пелена безмятежности.

– Не могу противиться твоему запаху, – признался он и легко задел губами уголок моего рта.

А я вдруг поняла, что могу! Кулон разогрелся и обжег кожу, что на мгновение отрезвило и обескуражило одновременно. Я в тесных объятиях нелюбимого научного руководителя! И он меня почти поцеловал! Гадство!

– Танец давно закончился, Руслан Игоревич. – Я видела, что это не он, но упорно сопротивлялась данному факту и называла знакомым именем, ведь привычные образы успокаивали, а неизвестность пугала. Уперлась ладошками ему в грудь. – Музыка теперь быстрая. На нас косятся.

В его глазах промелькнул хищный блеск, но в следующую секунду преподаватель заливисто рассмеялся.

– Вот как?

– О чем наш разговор? – уточнила я, сбитая с толку его поведением.

Не зря он мне не нравился! Точнее не нравился препод, а это не он! Тьфу, запуталась!

– Охотишься, Алис-с-с-а? – прошипел он невпопад.

Мужчина тряхнул головой, будто вынырнул из того же наваждения, в котором побывала и я. И снова поддел пальцем мой кулон. Совсем как тогда в аудитории!

– Тристан? – пропищала я и почувствовала, как округлились глаза, а брови поползли к волосам.

– Не шуми, – он неожиданно сделался серьезным и нахмурился. – Никто не должен знать.

– Что именно? – переспросила я. – Что вы притворяетесь преподавателем? Или что пытаетесь меня соблазнить?

– И не думал, – прорычал он сквозь зубы, будто боялся рядом со мной дышать. – Соблазнять не думал. И я не совсем притворяюсь. Но да, об этом.

– А когда вы явились на лекцию и облапали меня? – возмутилась громко, но не о том, о чем собиралась.

И почему мозг без конца барахлил рядом с этим наглым типом?

– А меня никто не видел, – припечатал Тристан.

– Я, – мяукнула и напрочь забыла, что собиралась сказать, так и стояла с приоткрытым ртом, но кулон снова нагрелся, рука сжала его в кулаке, а слова все же вытекли изо рта. –

Я видела.

Не замечала раньше за собой подобного идиотизма. Настороженность, некоторую замкнутость – да, но не откровенные чудачества!

– На тебе кулон, вот и видела, – шепнул он, наклонившись к самому уху.

– Ик! – вспомнил мой организм о еще более чудных возможностях тела, которые в последнее время исправно использовал. – Ик-как все это связано?

– Глупая девчонка, – прорычал он, когда я разжала кулак, где прятался горячий камень, и стиснул мои пальцы сильнее, скрывая его обратно.

– Перспективная аспирантка, – обиделась я и хотела выдернуть руку из крепкой хватки, но Тристан не позволил.

– Не знаешь, для чего он? – разозлился инвестор, похожий сегодня на моего преподавателя. – Тогда, как он к тебе попал, Алиса?!

Я открыла рот, чтобы ответить, вдохнула пьянящий аромат клятой вишни, но между лопаток врезалась знакомая ладонь, отчего из груди вырвался сиплый кашель.

– Будь здорова, – недобро пожелала Лиза.

– Не жаловалась, – буркнула я, смахивая, выступившие от натуги, слезы свободной рукой.

– Отцепись от него, о вас уже шепчутся, – прошипела она мне на ухо с натянутой улыбкой и добавила громче. – Пойдем, водички попьем! Жарко тут, в горле першит. А Вы, Рус-

лан Игоревич, постеснялись бы! Пришли с одной девушкой, целуетесь с другой. И все это на глазах у ректора и ошарашенных студентов.

Тут же из-за спины Тристана подкралась Лилия и тронула его за плечо.

– Руслан Игоревич, – похлопала она ресницами. – У нас с вами была некоторая договоренность. Будьте добры, со своей стороны ее исполнить. Даже несмотря на прекрасное платье Ясиной, которое весьма не вовремя Вас очаровало.

– Уже иду, – отрубил он, все так же не дыша, и нехотя отпустил мою руку.

Лилия тут же уцепилась за его локоть и, когда они повернулись спиной, подмигнула мне через плечо со злорадной усмешкой. Но Лиза не дала поразмыслить над значением этого неприятного жеста.

– А я и не замечала раньше, какая ты двуличная лицемерка, – выплюнула подруга. – Сегодня же найду другую квартиру и съеду!

– На стипендию или на зарплату младшего метролога? – попыталась я перевести дело в шутку.

Зря. Лиза серьезно расстроилась, ведь не знала, что перед нами вовсе не Руслан Игоревич. А я запуталась в своих мыслях и ощущениях. Он просил никому не рассказывать. Но лучшей подруге?

– Ты и с бомжом обнималась, и с инвестором целовалась – вагон мужиков за тобой скачет! Так нет, нужно было еще

и моего прикарманить! – зверела Лиза. – Единственного и неповторимого, но того, который нравится именно мне!

Расскажу! Все ей выложу прямо сейчас! Дружба важнее чужих непонятных тайн, которые вообще меня не касаются.

Я обняла Лизу крепко-крепко, отчего она растерялась и перестала возмущаться.

– Это и был мой инвестор, – прошептала ей на ухо.

Показалось, что музыка притихла, и все посмотрели на нас. Словно узнали нечто страшное. Словно я провинилась не только перед Тристаном, наплевав на его просьбу, но и перед целым миром.

– Ах вот как! – проронила Лиза дрожащим голосом и оттолкнула меня. – То есть ты давно мне врешь. И сказки про то, какой он мутный, городила, чтобы меня отвадить. Пристроила мужика и не сознавалась.

Подруга горько усмехнулась, покивала собственным мыслям и устремилась к гардеробу.

– Да нет же, – выдохнула я и поймала ее за руку. Как же мерзко выяснять отношения прямо на балу, будто больше нигде!

– А он с Лилькой ушел, – сверкнула Лиза глазами, полными слез. – Не тебе, не мне!

Но покинуть праздник она не успела. В толпе послышался напряженный щебет первокурсниц. А в следующий момент музыка оборвалась. Ударник упал лицом на крупную тарелку, свесив по бокам обмякшие руки. Сочный дребезг

разлетелся по огромному вестибюлю академии и запутался в искусственной паутине. Палочки покатались в разные стороны.

Вот так фокус! Неужели так задумано?

Все замерли, ожидая продолжения театрального действия. Казалось, что пауки спустятся вниз, или из-за колоны лестницы выскочит Максим Андреевич в костюме зомби. Но сверху слышались лишь невнятные стоны.

Басист отреагировал первым, сбросил гитару и ринулся к товарищу. А с противоположной стороны зала раздался пронзительный визг. Плотная толпа, как подпружиненная заводным ключиком, повернулась на звук. Несколько девушек съехали на пол, неестественно заломив руки. Люди вокруг расступились, словно каждый боялся оказаться участником.

– У них кровь! – заверещала преподавательница философии. – Пропустите!

Им и правда плохо?

Возня на балконе второго этажа отвлекла от мыслей о пострадавших. За балюстрадой, по периметру опоясывающей холл, появилась Лилия Белоусова и точно выверенным движением метнула маленький ножик. Лезвие просвистело над головами собравшихся, над крупными мохнатыми пауками и мигающими лампочками и угодило во что-то на противоположной стороне.

Ноги понесли к ближайшей лестнице, и я быстро взбежа-

ла наверх. Однокурсница заткнула длинную юбку за пояс, приоткрыв обтянутые черными леггинсами ноги, и мчалась на меня во весь опор.

– Отойди! В сторону! – завопила Лилия.

Она ловко затормозила, задела меня плечом и ворвалась в учебную аудиторию, дверь которой выходила на балкон рядом со ступенями. Любопытство заставило меня робко заглянуть в щель, но знакомый хлопок по спине протолкнул внутрь. Ярусы лавок уходили вверх и вниз. Лилия выглядывала из-за преподавательской кафедры и целилась из арбалета в неведомого врага.

– У нее арбалет! – шепнула на ухо Лиза, оказывается, последовавшая за мной. – Я снимаю. Когда нас вызовут на допрос по тому делу на набережной, будут доказательства невменяемости этой стервы!

– Ты чудо, – похвалила подругу. – А я и не догадалась!

– Для этого и нужны друзья, – с укором заметила она.

А я только было выдохнула, что ее обида сошла на нет, и у нас будет возможность выяснить все детали охоты на мутных мужиков, как с потолка обрушилась крупная тень. Лиза упала, но смартфон из рук не выпустила, продолжая записывать на видео нечто за моей спиной. Я резко развернулась.

Девушка в светлых джинсах, обтягивающем топе и свободной куртке пыталась вытащить из руки короткую стрелу, вошедшую в плоть почти целиком. Бордовое пятно расплзлось по ткани. Тонкие бледные пальчики бросили тщетные

попытки, и девушка наградила Белоусову полным ненависти взглядом.

Я размазалась по стене, будто владела чудесами мимики и могла таким образом спрятаться от драки. Снизу сидела Лиза так, что мы полностью перекрывали выход из аудитории.

– Кыш! – прошипела раненная.

– Ты попалась, тварь! – рыкнула Белоусова. – Стой на месте и отвечай. Я не промахнусь с такого расстояния. Ты ее обратила?

Девушка и правда замерла, уставилась мне в центр лба немигающим взором. От чего у меня дернулись плечи, а по спине поползли капельки холодного пота. Тогда она ужасающе громко втянула затхлый воздух аудитории без окон, повернула голову к Лизе и неожиданным прыжком оказалась рядом. Искусным па прокрутилась на колене, выпрямив вторую ногу в сторону, и впилась зубами в шею подруги.

В шею! Зубами?!

– Пусти, шальная! – взвизгнула Лиза и вцепилась в волосы странной особе с повадками низкопробного вампира.

– Ты перепутала праздник, – сухо проронила Белоусова и выпустила очередную стрелу из своего жуткого оружия. – Нечисть не приглашали.

Красные брызги окропили подол небесно-голубого платья, попали мне на руки. Со стороны казалось, что лопнул перезревший помидор в любимой теплице на окраине города.

В памяти некстати всплыли воспоминания: дыхание Тристана на шее, сочный плод на полу, яркие брызги на лабораторном халате, сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

Девушка взревела, демонстрируя вполне обычные зубы, и запрокинула голову. Очередной точный выстрел пробил ровное отверстие между глаз.

Радомир: улицы Калининграда, ювелир

Стол, за который я возвращался каждый вечер, в пабе «Алхимия» красовался ровным отверстием в деревянной столешнице. В наше время настоящая огнестрельная перепалка казалась дикостью, но, заведение специально украшали некоторыми несовершенствами для антуража: подпаленные балки, будто в гости залетал дракон; отверстия разного диаметра, будто заезжие пираты палили из крупнокалиберных пушек; разноперые стрелы в притолоке бара, будто темные эльфы сражались с выпивающим врагом. Мне нравилось, ведь невидимая пуля пронзила насквозь мои душу и разум как раз за этим столом. Я перепробовал все блюда из меню и ждал, когда яркая незнакомка вернется в гостеприимные стены и подарит мне еще один выстрел медовых глаз.

Переселился в небольшую квартиру неподалеку. И по утрам наслаждался крепким кофе, стоя на маленьком балкончике третьего этажа. Кованые перила оплетал увядающий хмель, а в глиняных горшках буйными шапками благоухал лиловый алиссум.

Пару раз я видел издалека Лизка и Элис. Подруги беззаботно смеялись, подставляя лица осеннему солнцу. От одного вида задорных девчонок внутри разливалось приятное тепло, будто бесплотный выключатель зажигал под ребрами

солнечный луч – ласковый и одновременно щекотный. Хотелось поймать улыбку синеглазой Элис в ладони и посадить в банку, как в детстве делал с бабочками-белянками. А щебет неугомонной темноволосой Лизки накрыть шалью, как клетку с голосистым кенарем, и выпускать по утрам для поднятия настроения. Каждую пятницу они ужинали в пабе. Но тех ребяток, что желали их прокатить, больше не попадалось.

Я никогда не торопил жизнь. Терял к ней интерес – да. Привык получать все быстро, потому что видел возможности. Но ситуация с неуловимой байкершей учила чему-то новому. Терпению.

Мосты, площади, музеи, переулки – я везде искал тот пронзительный взгляд. Как помешанный, гонялся за призраком с идеальной фигурой в «коже» оттенка молодого вина на закате. Срывался в несвойственное мне отчаяние – сходил с ума от недостижимости. Кровь закипала, насыщалась неизвестными раньше элементами. Бегала по венам, как сливовый сидр по трубкам за барной стойкой, ставшего родным, паба. А может быть даже искрилась и переливалась, стоило мыслями вернуться в день приезда в Калининград.

Иногда мне мерещились сладковатые капельки апельсина, порывом которых она обдала меня в тот единственный раз мимолетной встречи. Я долго блуждал по парфюмерным магазинам в попытках отыскать похожий аромат. Но ничего не годилось. Я лишь уверился в главенствующей ноте.

Теперь женщина представлялась загорелой марокканкой.

Но я гнал от себя шаблонность образа. И догадывался, что под защитой пряталась идеальная красота, знающая себе цену. А потому продолжал томиться в предвкушении нашей следующей встречи. «Раз-два в месяц», – то и дело всплывали в памяти слова официанта.

Но она появилась неожиданно. Легким дуновением ветра проскользнула за ворот строгой сорочки, приподняла волоски на груди. И когда шея повернулась вслед за трескучим импульсом, краем глаза я уловил, как взметнулись ее волосы. А через долю секунды она прижалась прохладной спиной в невесомом шелковом платье к моей разгоряченной спине и проронила:

– Пожалеешь. И разочаруешься.

В следующий миг прозвенел колокольчик на двери букинистического магазина, в который я забрел случайно. Мне даже показалось, что девушка померещилась. Но желанный флер необыкновенных духов остался на рубашке, а кожу в месте прикосновения кололо тысячами электрических разрядов.

Имя. Я не успел спросить у нее имя.

«Пожалеешь. И разочаруешься», – слова попали в самое сердце. Но я только сильнее очаровался ее загадочностью и неуловимостью. Теперь ее голос зазвучал в гомоне толпы, в шепоте зданий, в шуршании листьев, в плеске Преголи.

Она напрасно подарила мне взгляд, напрасно шептала из толпы, напрасно коснулась точеными лопатками, если не со-

биралась показаться снова. И я верил, чувствовал, да просто знал, что рано или поздно встречу ее в пабе. Это ожидание терзало каждый атом тела болезненно сладким взрывом. Будто мельчайшие частицы воспламенялись, а затем время поворачивалось вспять, собирая искрящуюся плоть, и все повторялось по кругу.

Внезапно свалившееся на мою голову наследство тоже немало тяготило. И я бы сразу избавился от мрачного погребца и уехал обратно в Петербург, но Калининград держал меня в плену желанных глаз. В выточенной из цельного куска дерева коробочке хранился перстень. Вместо примерки я спрятал его во внутренний карман куртки и поехал в ювелирную мастерскую. Витиеватое плетение вокруг камня повторяло узор из дневника матери. Но я вознамерился узнать ценность вещицы. Вовсе не для того, чтобы продать – в деньгах я никогда не нуждался, – но украшение казалось очень старым, а я всегда любил вещи с историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.